

18+

МАЙК ТАЙСОН

БЕСПОЩАДНАЯ ИСТИНА

Майк Тайсон

Беспощадная истина

«ЭКСМО»

2013

Тайсон М.

Беспощадная истина / М. Тайсон — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-76481-5

Невероятно искренняя, brutальная и драматичная автобиография Майка Тайсона. Он стал легендой мирового бокса, но его жизнь вне ринга была не менее яростной и бесшабашной, чем его бои. В Майке Тайсоне уживаются несколько личностей – безжалостный боец и ироничный философ, осужденный преступник и бродвейский шоумен, ранимый подросток и неумный бабник... Парнишка из гетто, ставший самым молодым абсолютным чемпионом мира в тяжелой весовой категории, принявший это как должное – и так и не научившийся с этим жить. Миллионер, в одночасье оказавшийся нищим, осужденный за преступление, которое не совершал, и выходявший безнаказанным из таких передраг, которые грозили ему пожизненным заключением. Алкоголик и наркоман, сумевший обуздать своих демонов. Он был абсолютно беспощаден к своим противникам на ринге. Он и теперь абсолютно беспощаден к себе и к читателю. Но только такая безжалостная искренность и позволила ему примириться с самим собой, восстановить достоинство и самоуважение, обрести любовь и семью.

ISBN 978-5-699-76481-5

© Тайсон М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Майк Тайсон

Беспощадная истина

*Эта книга посвящена всем отверженным.
Всем, кто когда-либо был увлечен и обманут,
поражен в правах и обездолен,
усмирен и сломлен,
укрощен и оклеветан.
И всем тем, кто неспособен воспринять любовь.*

Undisputed Truth

Mike Tyson with Larry Sloman

© Tyrannic Literary Company LLC, 2013

© Перевод на русский язык. Мовчан А.Б., 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Пролог

Почти все шесть недель после признания меня виновным в изнасиловании и до вынесения мне приговора я провел, разъезжая по стране и развлекаясь со своими подружками. Так я хотел проститься с ними. А когда их со мной не оказывалось, я отбивался от женщин, которые приставали ко мне. Где бы я ни появлялся, всегда находились дамы, которые могли запросто подойти ко мне и предложить: «Ну, пошли! Я не собираюсь заявлять, что ты меня изнасиловал. Можешь смело пойти со мной. Я позволю тебе даже заснять все». Уже позже я понял, что таким образом они хотели сказать мне: «Мы знаем, что ты не совершал этого». Но тогда я не воспринимал их предложения в таком ключе. Полный негодования, я отвечал резко и грубо. Я был слишком удручен, чтобы осознать, что меня просто пытались поддержать. Я был дремучим, шальным, озлобленным малым, которому предстояло еще взрослеть и взрослеть.

Некоторые причины моего гнева были все же объяснимы. Я был двадцатипятилетним пареньком, которому светило провести в тюрьме шестьдесят лет за преступление, которого он не совершал. Позвольте мне повторить то, что я уже говорил и перед большим жюри, и в ходе судебного разбирательства, и при вынесении мне приговора, и на слушании дела о моем досрочном освобождении, и после того, как я вышел из тюрьмы. Я буду утверждать это до конца своих дней: я не насиловал Дезире Вашингтон. Она знает это, и Всевышний знает это, и это останется на ее совести до конца ее жизни.

Мой промоутер, Дон Кинг, уверял, что с меня будут сняты все обвинения. Он утверждал, что, не афишируя своих усилий, делает все возможное, чтобы дело развалилось. Кроме того, он нанял Винса Фуллера, по его утверждению, лучшего адвоката, которого можно приобрести за миллион. В итоге Винс оказался просто налоговым поверенным Дона. И Дон, вероятно, так и остался ему должен.

Я, однако, с самого начала знал, что не добьюсь справедливости. Ведь меня судили не в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе – суд состоялся в Индианаполисе, штат Индиана, в одном из исторических оплотов ку-клукс-клана. Моя судья, Патриция Гиффорд, ранее в качестве прокурора специализировалась на расследовании преступлений на сексуальной почве и была известна как «судья-вешатель». Меня признал виновным суд присяжных «равного со мной социального статуса», в котором было только двое черных. Еще один черный из состава суда был освобожден судьей от своих обязанностей после пожара в гостинице, где остановились члены суда. Она отклонила его кандидатуру, мотивировав это его «психическим состоянием». О да, его психическое состояние заключалось в том, что ему не понравилась еда, которую ему подали!

На мой взгляд, по статусу мне не было равных. Я был самым молодым чемпионом в тяжелом весе в истории бокса. Я был титаном, реинкарнацией Александра Македонского. Мой стиль ведения боя был стремительным, защита неуязвимой, а я сам – неудержимым и яростным. Это удивительно, как низкая самооценка и чрезмерное самомнение могут привести к мании величия. Но после судебного разбирательства этому идолу пришлось вновь притащить свою черную задницу в суд для вынесения ей приговора.

Сначала, однако, у меня была попытка некоего «божественного вмешательства». Кэлвин, мой близкий друг из Чикаго, рассказал мне об одной женщине-маге, которая знала заклинание, способное спасти меня от тюрьмы.

– Помочись в банку, положи туда пять стодолларовых купюр, поставь банку под кровать на три дня и затем принеси ей. Она вознесет над ней молитву за тебя, – растолковал мне Кэлвин.

– То есть ясновидящая курица собирается взять обоссанную пачку сотенных из банки, сполоснуть их и отправиться за покупками. Если тебе дадут сотенную, на которую кто-то

поссал, тебе будет по фигуре? – поинтересовался я у Кэлвина. У меня, конечно, была репутация мота, но это было слишком расточительно даже для меня.

Затем приятели свели меня со жрецом вуду. Это оказался какой-то невнятный парень в костюме, не похожий даже на переодетого жреца. Этого засранца следовало бы вымазать в болотной жиже и напялить на него африканскую дашики¹. Я понял, что этот малый был пустышкой. Он даже не стал заморачиваться на ритуалах. Он просто написал какую-то ерунду на листе бумаги и попытался уломать меня на фигню, которую я не стал делать. Он хотел, чтобы я омылся в чудодейственном масле, помолился и выпил особой воды. Но я пил, блин, божественный «Хеннесси» и не собирался разбавлять его водой.

Так что, чтобы исполнить колдовскую чушь, я остановил свой выбор на священнике религии сантерия². Однажды ночью мы пошли к зданию суда с голубем и яйцом. Я разбил яйцо об асфальт, выпустил птицу и прокричал: «Мы свободны!»

Несколько дней спустя я надел свой серый в тонкую полоску костюм и отправился в суд.

После того как вердикт был вынесен, моя сторона защиты от моего имени соорудила доприговорный меморандум. Это был впечатляющий документ. Доктор Джером Миллер, заместитель директора по лечебной части института Огастеса в Вирджинии и один из ведущих экспертов страны по взрослым сексуальным преступникам, изучив меня, пришел к выводу, что я «чувствительный и вдумчивый молодой человек с проблемами, которые являются, скорее, результатом дефектов развития, нежели общей патологии». Он был убежден, что при регулярных сеансах психотерапии мой долгосрочный прогноз будет достаточно благоприятным. Как он отметил в заключении, «тюремный срок замедлит процесс (психологической реабилитации. – *Примеч. ред.*) и, вероятнее всего, повернет его вспять. Я бы настоятельно рекомендовал рассмотреть иные варианты, предусматривающие как профилактические, так и терапевтические возможности». Конечно, инспекторы по надзору за исполнением наказания, которые сводили воедино документы для приговора, проигнорировали последний пункт. Зато они добросовестно включили мнение обвинения о том, что «рассмотрение данного преступления и изучение данного преступника приводит главного следователя по данному делу, опытного детектива, занимающегося расследованием преступлений на сексуальной почве, к заключению, что ответчик склонен к совершению подобных преступлений в будущем».

Мои юристы подготовили приложение, в котором было сорок восемь моих характеристик от совершенно разных людей: от директора моей средней школы, моего социального работника штата Нью-Йорк, вдовы боксера Шугара Рэя Робинсона, моей приемной матери Камиллы, моего спортивного гипнотерапевта и шести моих подружек (а также их матерей), то есть от всех тех, кто вел учетные записи о том, каким я был истинным джентльменом в общении с ними. Одна из первых моих подруг из Катскилла написала судье даже так: «Я три года ждала, чтобы вступить с мистером Тайсоном в сексуальные отношения, и он ни разу ни к чему меня не принудил. Я люблю его за то, что он любит и уважает женщин».

Но, конечно же, Дон не был бы Доном, если бы он в очередной раз не переборщил. У него был преподобный Уильям Ф. Крокетт, Первый императорский церемониальный мастер Древнего арабского ордена благородных мистиков Храма Северной и Южной Америки³, который ради меня написал письмо. Преподобный, в частности, писал: «Умоляю вас пощадить его и не лишать свободы. Хотя я не говорил с Майком со дня суда над ним, мне известно, что он

---

¹ Дашики – яркая рубашка в африканском стиле. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Сантерия – синкретическая религия, распространенная на Кубе, а также в среде афрокубинских эмигрантов в США и других странах; представляет собой верования народа йоруба, смешанные с элементами католичества и африканскими синкретическими религиями.

³ Древний арабский орден благородных мистиков Храма – североамериканское парамасонское общество, основанное в 1870 году.

больше не богохульствует и не сквернословит, ежедневно читает Библию, молится и закаляет душу». Конечно, все это было полной фигней. Он даже не знал меня.

Кроме того, было еще личное проникновенное письмо Дона в адрес судьи. После его прочтения могло сложиться впечатление, что я изобрел лекарство от рака, выработал план мира на Ближнем Востоке, а также спас от голодной смерти и излечил кучу больных котят. Он толковал о том, как я работал в благотворительном фонде «Загадай желание», навещая больных детей. Он сообщил судье Гиффорд, что каждый день Благодарения мы раздавали нуждающимся и голодающим сорок тысяч индеек. А еще он вспомнил, как мы встретились с Симоном Визенталем⁴, и я был так взволнован, что пожертвовал крупную сумму денег, чтобы помочь ему выслеживать нацистских военных преступников. Полагаю, Дон запомнил о том, что ку-клукс-клан ненавидел евреев так же сильно, как и негров.

На протяжении восьми страниц Дон пел мне дифирамбы. «Это весьма необычно для человека его возраста проявлять такую заботу о своем собрате, не говоря уже о глубоких чувствах ответственности и преданности делу, которые ему свойственны. Это богоподобные качества, благородные качества любви, жертвенности и бескорыстия. Он – дитя бога, он один из самых нежных, чутких, заботливых, любящих и понимающих людей, которых я когда-либо встречал в течение двадцати лет своей работы с боксерами». Блин, Дон должен был бы выступать на суде с заключительным словом вместо моего адвоката. Однако Джон Сольберг, представитель Дона по связям с общественностью, в своем письме к судье Гиффорд сразу перешел к сути дела. «Майк Тайсон – не подонок», – констатировал он.

Возможно, я и не был подонком, но спесивым придурком – точно. Я был настолько самонадеян в зале суда во время судебного разбирательства, что у меня не было никаких шансов получить поблажку. Даже в момент вынесения приговора я не был смиренным. Все те вещи, о которых шла речь в этой бумаге – благотворительность деньгами и индейками, забота о людях, уход за слабыми и немощными, – все это я делал потому, что *хотел* быть таким смиренным, но вовсе не потому, что я *был* им. Я страстно хотел быть смиренным, но в моем теле не было ни единой смиренной косточки.

Итак, вооружившись всеми этими характеристиками, 26 марта 1992 года мы предстали перед судьей Патрицией Гиффорд для вынесения мне приговора. Настала очередь свидетелей, и Винс Фуллер вызвал Ллойда Бриджеса, исполнительного директора исправительного центра Риверсайд в Индианаполисе. Моя защита утверждала, что вместо реального тюремного срока мне можно было бы назначить условное наказание с отсрочкой исполнения. Для меня это означало бы испытательный срок в «доме на полпути»⁵, где я должен был бы совмещать лечение с общественно-полезными работами. Бриджес, рукоположенный священнослужитель, как раз осуществлял такую программу, и он подтвердил, что я, безусловно, являюсь весьма подходящим кандидатом для его заведения.

Однако помощник прокурора вывела у Бриджеса, что недавно из его учреждения бежало четверо. А когда она вынудила священника признать, что его собеседование со мной было проведено в моем особняке в штате Огайо и что мы оплатили его авиаперелет, данная идея была обречена. Так что, теперь вопрос заключался только в том, какой именно срок «судья-вешатель» мне впаяет.

И вот Фуллер подошел к судейскому месту. Для него было самое время соткать колдовство на миллион долларов. Вместо этого мы получили его привычную грошовую туфту. «О Тайсоне появилась масса дурных слухов. Газеты поливают его грязью. Не проходит и дня, чтобы в прессе не муссировались его недостатки. Это не тот Тайсон, которого я знаю, потому

---

⁴ Симон Визенталь (1908–2005) – архитектор и общественный деятель, «охотник за нацистами»; посвятил все свои силы поиску нацистских преступников, скрывающихся от наказания.

⁵ «Дом на полпути» – учреждение для реабилитации отбывших наказание заключенных, вылечившихся наркоманов, алкоголиков, психических больных.

что на самом деле он чуткий, внимательный, заботливый человек. На ринге он может наводить ужас, но когда он покидает ринг, от этого не остается и следа». Это даже близко не лежало со словоизлияниями Дона Кинга, но это тоже было не так уж плохо. Если только не считать того, что в течение всего судебного процесса Фуллер изображал меня в качестве дикого зверя и неотесанного мужлана, падкого исключительно на сексуальные удовольствия.

Затем Фуллер сменил тему, принявшись расписывать мое нищее детство и мое знакомство с легендарным тренером по боксу Касом Д'Амато.

– Но в этом-то и заключается своего рода трагедия, – изрек он. – Ведь Д'Амато был сосредоточен только на боксе. Тайсон как человек отступал для него на второй план в его стремлении обеспечить Тайсону боксерскую славу.

Камилла, которая много лет была спутницей Каса, была оскорблена подобным заявлением. Фуллер словно помочился на могилу моего наставника Каса. Фуллер продолжал разглаживать, но его речь была такой же бессвязной, как и в течение всего судебного разбирательства.

Теперь настал мой черед обратиться к суду. Я поднялся и встал за трибуну. Я толком даже не подготовился, у меня не было никаких записей. Я лишь держал в руке нелепый листок бумаги того жреца вуду. И я знал только одно: я не собирался извиняться за то, что произошло в ту ночь в моем номере в отеле. Я уже принес извинения прессе, суду, другим конкурсанткам шоу «Мисс Черная Америка», на котором я познакомился с Дезире, но эти извинения не касались моих действий в гостиничном номере.

– Мое поведение было несколько бестактным, согласен. Но я никого не насиловал. Я даже не пытался сделать это. Я сожалею.

Я взглянул на Грега Гаррисона, моего прокурора и палача⁶, и продолжил:

– Моя личная жизнь лишена свободы, она стала похожа на какой-то беспробудный кошмарный сон. Я уязвлен. И я здесь не для того, чтобы просить у вас снисхождения, мэм. Я уже готов к худшему. Меня смешали с грязью, я опозорен на весь мир. Я опорочен в общественном мнении. И я просто счастлив, что еще кто-то меня все же поддерживает. Я готов справиться с тем, что вы мне определите.

Я сел за стол защиты, и судья задала мне несколько вопросов на тему о том, каким примером для подражания я являюсь для детей.

– Меня никогда не учили, как следует поступать со своим статусом знаменитости. Я не говорю детям, что надо стремиться быть Майком Тайсоном. Родители всегда являются лучшим примером для подражания, – ответил я ей.

Затем слово дали обвинению. Вместо деревенщины Гаррисона, который приводил доводы против меня в ходе судебного разбирательства, поднялся его босс, Джеффри Модисэт, прокурор округа Мэрион. Он десять минут распространялся насчет того, что мужчины, вкусившие богатства и славы, не должны пользоваться особыми привилегиями. Затем он зачитал письмо Дезире Вашингтон: «В ранний утренний час 19 июля 1991 года произошло посягательство как на мое тело, так и на мою психику. Я была физически подавлена до такой степени, что мне стало казаться, будто меня лишили самого сокровенного: моей личности. Взамен того, что было моими восемнадцатью годами, у меня теперь ощущение холода и пустоты. Я абсолютно не знаю, что ожидает меня впереди. Могу только сказать, что после того, как я была изнасилована, каждый день превратился для меня в борьбу: надо снова научиться доверять, улыбаться так, как я делала это раньше, и найти ту Дезире Линн Вашингтон, которая была украдена у самой меня и у тех, кто любил меня до 19 июля 1991 года. Что же касается той боли, которую причинил мне насильник, то бог даровал мне мудрость увидеть, что он психически болен. Хотя

---

⁶ В оригинале – игра слов, основанная на их созвучности: в переводе с английского языка *prosecutor* – «прокурор», *persecutor* – «преследователь», «гонитель».

иногда я плачу, когда я вижу боль в своих глазах, я способна испытать сострадание к своему насильнику. Я всегда желала и продолжаю желать, чтобы он прошел реабилитацию».

Модисэт положил письмо и продолжил:

– Со дня вынесения ему приговора Тайсону пока еще не вынесено никакого наказания. И сейчас весь мир замер в ожидании: существует ли у нас хоть какая-то система правосудия. Следует признать, что проблема существует: надо исцелить этого больного человека. Майк Тайсон, насильник, не должен оставаться на свободе.

И затем в целях моего исцеления он предложил провести мне за решеткой от восьми до десяти лет.

Теперь настал черед Джима Войлеса говорить от моего имени. Войлес был местным адвокатом, нанятым Фуллером в качестве юридического консультанта. Он был отличным парнем, отзывчивым, толковым и веселым. Это был единственный адвокат с моей стороны, с которым я ладил. Кроме всего прочего, он был приятелем судьи Гиффорд и южанином, который мог апеллировать к суду Индианаполиса. «Доверимся этому парню!» – предложил я Дону в самом начале судебного процесса. Войлес мог бы повернуть дело в мою пользу. Но Дон и Фуллер одурачили его: они не позволили ему сделать что-либо. Во время судебного разбирательства они не дали ему сказать ни слова. Джим был чрезвычайно расстроен. В разговоре с одним из друзей он назвал себя «самым высокооплачиваемым в мире пластиковым органайзером». Теперь он, наконец-то, смог выступить. Он горячо высказался за мою реабилитацию вместо тюремного заключения, но это была речь для глухих. Судья Гиффорд уже приняла для себя решение.

Она начала с комплиментов по поводу моей общественной деятельности, моего общения с детьми и моей «благотворительности». Но затем она разразилась напыщенными тирадами об «изнасиловании на свидании», подчеркнув, что питает отвращение к этому термину:

– Мы смогли обозначить, что, несомненно, можно осуществлять то, что вы намерены осуществить, если вы, четко осознавая последствия, назначаете женщине свидание. Закон дает очень четкое определение изнасилованию. Он нигде не упоминает, должны ли подсудимый и потерпевшая быть каким-либо образом связаны друг с другом. «Свидание» при изнасиловании на свидании ничуть не умаляет того факта, что изнасилование все-таки имело место⁷...

Во время этой лекции мой ум блуждал неизвестно где. Произносимое не имело ко мне никакого отношения. Мы не были на свидании: это была, как сказал бы великий комик Билл Беллами, встреча ради секса. И этим все было сказано. Затем я, однако, вновь сосредоточился на происходящем.

– ... У меня складывается ощущение, что существует риск рецидива с его стороны в силу его отношения к этому, – сказала судья и уставилась на меня. – У Вас нет ранее совершенных преступлений, вы наделены многими способностями. Но вы оступились...

Она сделала паузу и произнесла:

– ... По первому пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам...

«Е... ная сука!» – пробормотал я еле слышно. Я почувствовал, что впадаю в ступор. По этому пункту я обвинялся в изнасиловании. «Блин, наверное, я выпил той самой особой воды вуду», – подумал я.

– ... По второму пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам...

Дон Кинг и мои друзья в зале суда громко ахнули. По этому пункту я обвинялся в использовании пальцев. Пять лет для каждого пальца.

– ... По третьему пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам...

---

⁷ Суть этой юридической казуистики в том, что понятие «свидание» подразумевает, что между встречающейся парой существуют романтические отношения, которые потенциально могут перерасти в сексуальную связь, но в случае изнасилования эти отношения не могут служить оправданием насильнику.

А это – за использование языка. В течение двадцати минут. Это был, вероятно, мировой рекорд по самому продолжительному куннилингусу, осуществленному во время изнасилования.

– ... Наказания будут исполняться одновременно, – продолжала судья. – Я налагаю на вас максимальный штраф в тридцать тысяч долларов. Я сокращаю срок исполнения наказания на четыре года, определяя для вас четырехлетний испытательный срок. В течение этого времени вы будете выполнять психоаналитическую программу доктора Джерома Миллера и отрабатывать сто часов общественно полезных работ, включая воспитательную работу среди молодежи по борьбе с правонарушениями.

Вскочил Фуллер и заявил, что мне должна быть предоставлена возможность быть отпущенным под залог на то время, пока Алан Дершовиц, известный адвокат, не подготовит мою апелляцию. Дершовиц сидел тут же в зале суда, наблюдая за вынесением приговора. После Фуллера слово взял Гаррисон, это ковбойское быдло. Позже многие утверждали, что я стал жертвой расизма. Но я думаю, что Модисэт и Гаррисон действовали так скорее ради блеска славы. Их, действительно, не интересовал результат судебного процесса, они просто жаждали увидеть свои имена в прессе и называться «большими шишками».

Итак, поднялся Гаррисон и заявил, что я являюсь «преступником, виновным в изнасиловании, склонным к насилию и способным повторно совершить преступление. Если не удастся препроводить подсудимого в место лишения свободы, мы тем самым умалим серьезность преступления, дискредитируем правоохранительную деятельность, подвергнем опасности других невинных людей и позволим виновнику продолжить свой преступный образ жизни».

Судья Гиффорд согласилась. Никакого освобождения под залог. Это означало, что я направлялся напрямик в тюрьму. Гиффорд уже была готова ударом молотка объявить дело закрытым, когда в зале суда возник переполох. Дершовиц защелкнул свой портфель и бросился вон из зала, бормоча: «Я все-таки позабочусь о том, чтобы свершилось настоящее правосудие». Возникло некоторое замешательство, затем судья грохнула своим молоточком по столу. Все было решено. Подошел шериф округа, чтобы взять меня под стражу. Я встал, отстегнул часы, снял ремень и передал их Фуллеру вместе с бумажником. Две мои подруги в первом ряду плакали навзрыд. «Мы любим тебя, Майк», – рыдали они. Камилла поднялась и направилась к столу защиты. Мы обнялись на прощание. Затем шериф вывел Джима Войлеса и меня из зала суда через заднюю дверь.

Они повели меня вниз, в участок для регистрации арестованных. Там меня обыскали, сняли отпечатки пальцев и сфотографировали. Снаружи была толпа репортеров, подстерегавших вокруг автомашины, в которой я должен был отправиться в тюрьму.

– Когда выйдем, прикройте наручники плащом, – посоветовал мне Войлес.

Он серьезно? Оцепенение постепенно покидало меня, уступая место гневу. Неужели мне должно быть стыдно показаться в наручниках? Это был знак почета.

Если бы я скрыл свои браслеты, я был бы сукой. Джим думал, что утаивание наручников должно избавить меня от чувства стыда, но именно *это* и явилось бы позором. Все должны были видеть меня с этим железом на руках. Нах... и всех остальных! Те, кто понимает меня, должны были увидеть меня с этими железяками. Я собирался пройти школу мужества.

Мы вышли из здания суда и направилась к машине. Я гордо держал свои наручники высоко поднятыми. И я ухмылялся, как бы говоря: «Вы верите в это дерьмо?» Эта фотография была на первых страницах газет всего мира. Я сел в полицейскую машину, и Джим протиснулся рядом со мной на заднее сиденье.

– Ну что, деревенщина, теперь только ты и я, – пошутил я.

Нас привезли в диагностический центр, чтобы определить, в тюрьму какого уровня безопасности⁸ меня направить. Они раздели меня донага, заставили наклониться и произвели досмотр полостей тела. Дали мне что-то, похожее на дерьмовую пижаму и шлепанцы. И затем меня отправили в Молодежный центр в Плэйнфилде, штат Индиана, заведение для правонарушителей второго и третьего уровня.

К тому времени, как я добрался до конечного пункта назначения, я был просто взбешен. Я собирался показать этим ублюдкам, как надо мотать срок. Я был намерен делать это по-своему. Это смешно, но мне потребовалось немало времени, чтобы осознать, что та маленькая белая женщина-судья, которая отправила меня в тюрьму, возможно, спасла мне жизнь.

---

⁸ В США пенитенциарные учреждения имеют уровни безопасности от 1 до 4.

Глава 1

У нас были терки с парнями, которые называли себя «Пумами». Шел 1976 год, я жил в Браунсвилле, Бруклин, а эти ребята обитали по соседству. В то время я водился с компанией с улицы Ратленд-роуд, которые звались «Кэтс», шайка пацанов-латиносов из близлежащего района Краун-Хайтс. Мы совершали кражи со взломом, и у некоторых наших криминальных приятелей были стычки с «Пумами», поэтому мы пошли в парк поддержать их. Обычно мы не имели дела с оружием, но это были наши хорошие друзья, так что мы украли кучу разной фигни: какие-то пистолеты, 357-й «магнум» и винтовку «М1» со штыком времен Первой мировой войны. Никогда не знаешь, на что наткнешься, когда грабишь какой-нибудь дом.

Итак, мы шли по улице со своим оружием, и никто не наезжал на нас, и не было видно копов, готовых остановить нас. У нас даже не было сумки, чтобы положить туда винтовку, так что мы просто несли ее по очереди, меняясь через несколько кварталов.

– Эй, вон он идет! – сказал мой друг Рон-Гаитянин. – Парень в красных кроссовках «Пума» и с красным воротником.

Рон заметил парня, который был впереди нас. Когда мы рванули, огромная толпа в парке расступилась, словно Красное море перед Моисеем. И хорошо, что они это сделали, потому что, бах, один из моих приятелей выстрелил. Все заметались, услышав выстрел.

Мы продолжали идти, и я понял, что некоторые из «Пум» укрылись между машинами, припаркованными на улице. Винтовка была как раз у меня, и, быстро обернувшись, я увидел здоровяка с направленным на меня пистолетом.

– Что, е... твою мать, ты здесь делаешь? – спросил он меня. Это был мой старший брат Родни. – Выметайся отсюда к е... ням собачим!

И я пошел, куда мне было велено. Выйдя из парка, я отправился домой. Мне было десять лет.

* * *

Я часто повторяю, что в своей семье я был паршивой овцой. Но когда я размышляю над этим, я понимаю, что на самом деле я был весьма смирным ребенком большую часть своего детства. Я родился в больнице «Камберленд» в бруклинском районе Форт-Грин, Нью-Йорк, 30 июня 1966 года. Мои самые ранние воспоминания связаны с больницей: я постоянно болел в связи со слабыми легкими. Однажды, чтобы привлечь внимание, я сунул палец в какой-то септик для канализации, а затем облизал его. Понятное дело, меня притащили в больницу. Я помню, как моя крестная подарила мне игрушечный пистолет, когда я там лежал, но подозреваю, что я его сразу же сломал.

Я не так много знаю о своих семейных корнях. Моя мать, Лорна Мэй, был жительницей Нью-Йорка, но родилась она на юге, в штате Вирджиния. Мой брат однажды съездил на юг, чтобы побывать в местах, где выросла мама. Он сказал, что там не было ничего, кроме стоянок для жилых автоприцепов. То есть я на самом деле ниггер со стоянки для жилых автоприцепов. Моя бабушка Берта и моя двоюродная бабушка работали на одну белую леди еще в тридцатые годы, когда большинство белых не взяли бы к себе на работу черных, и Берта с сестрой были ей настолько признательны, что обе назвали своих дочерей Лорна – в честь той белой леди. На деньги от той работы Берта смогла послать своих детей на учебу в колледж.

Возможно, я получил семейный нокаутирующий ген от своей бабушки. Двоюродная сестра моей матери Лорна рассказала мне, что муж в той семье, на которую работала Берта, поколачивал свою жену, и Берте это не нравилось. А Берта была крупной женщиной.

– Не вздумай тронуть ее, – сказала она ему как-то.

Он воспринял это как шутку. Тогда она влепила ему кулаком так, что он брякнулся на задницу. На следующий день, встретивши Берту, он поинтересовался: «Как поживаете, мисс Прайс?» Он перестал бить жену и стал другим человеком.

Моя мама всем очень нравилась. Когда я родился, она работала кастеляншей в женском следственном изоляторе в Манхэттене и одновременно училась на преподавателя. Она уже три года обучалась в колледже, когда познакомилась с моим папой. Он заболел, и ей пришлось бросить учебу, чтобы ухаживать за ним. Для образованного человека она не очень хорошо разбиралась в мужчинах.

О семье своего отца я знаю немного. На самом деле, я практически ничего не знаю о своем отце. Или о том человеке, который, как мне сказали, был моим отцом. В моем свидетельстве о рождении указано, что моим отцом являлся Персел Тайсон. Единственная проблема заключалась в том, что мой брат, моя сестра и я – мы никогда не встречали этого парня.

Всем нам сказали, что нашим биологическим отцом был Джимми «Чубчик»⁹ Киркпатрик-младший. Но едва ли он сам был в курсе этого дела. С течением времени до меня дошли слухи, что Чубчик был сутенером и зачастую принуждал женщин к соответствующему занятию. Затем, ни с того ни с сего, он начал называть себя диаконом в церкви. Поэтому каждый раз, когда я слышу, как кто-либо называет себя преподобием, я говорю: «Отче-тире-сутенер». Если всерьез задуматься над этим, то станет ясно, что у этих набожных парней, действительно, ных сутенера. Они могут любого в церкви заставить сделать все, что захотят. Так что, для меня люди этого сорта всегда «епископ-тире-сутенер» или «преподобный-тире-сутенер».

Чубчик периодически приезжал туда, где мы жили. Он и моя мать никогда не разговаривали друг с другом. Он просто сигнализировал, а мы спускались вниз и встречались с ним. Дети набивались в его «Кадиллак», и мы думали, что сейчас мы поедем на экскурсию на Кони-Айленд или Брайтон-Бич, но он несколько минут катался по кварталу, затем возвращался к нашему дому, давал нам немного денег, целовал мою сестру, тряс руку мне и моему брату – и на этом все завершалось. Следующий раз я мог увидеть его уже в следующем году.

Вначале я жил в районе Бэд-Стай¹⁰ в Бруклине. Тогда это был вполне приличный рабочий район. Все знали друг друга. Все было вполне нормально, но отнюдь не спокойно. Каждую пятницу и субботу в доме было как в Вегасе. Мама устраивала карточные вечеринки и приглашала всех своих подруг, многие из которых промышляли разным нелегальным бизнесом. Она отправляла своего дружка Эдди купить ящик спиртного, они разбавляли его водой и продавали рюмками. Выигрыш с каждой четвертой партии шел в общий котел. Таким вот образом в доме и водились деньги. Мама готовила куриные крылышки. Брат вспоминал, что, кроме шлюх, бывали и бандиты, и детективы. Кого там только не было.

Когда у матери водились кое-какие деньги, она любила пускать пыль в глаза. Она была великим организатором, и у нее всегда была куча подруг, а также мужчин. И все пили, пили, пили. Она не курила марихуаны, но все ее друзья делали это, и она доставала им наркотики. Она курила сигареты, марки «Кул 100»¹¹. Подруги моей мамы были проститутками или, по крайней мере, женщинами, которые спали с мужчинами за деньги. Женщины легкого поведения невысокого уровня, даже не уличного. Перед тем как идти к своим мужчинам, они оставляли у нас своих детей. Когда они возвращались забрать их, одежда у них зачастую была в крови, и тогда мама помогала им отчиститься. Однажды я пришел домой, а там был белый ребенок. «*Что, черт возьми, это здесь еще за дерьмо?*» – подумал я. Такова была моя жизнь.

---

⁹ В оригинале прозвище Curlee – «Кучерявый».

¹⁰ Просторечное название бруклинского района Бэдфорд-Стайвесент.

¹¹ Ментоловые удлиненные сигареты.

Мой брат Родни был на пять лет старше меня, так что у нас было мало что общего. Он был странным чуваком. Мы были черными парнями из гетто, а он был похож на ученого: возился с какими-то пробирками, постоянно экспериментировал. У него даже была коллекция монет. Типа, «белые занимаются такими вещами».

Однажды он пришел в химическую лабораторию в Институте Пратта, рядом с колледжем, и взял там какие-то химические препараты для эксперимента. Через несколько дней, когда он вышел из дома, я пробрался в его комнату и добавил в его пробирки воды. От взрыва вылетело окно, выходящее во двор, и в комнате начался пожар. После этого он поставил замок на своей двери.

Я устраивал ему много каверз, но для него это были привычные шалости, к которым он относился спокойно. Кроме того дня, когда я порезал его бритвой. Он поколотил меня за что-то и затем улегся спать. Я со своей сестрой Дениз смотрел очередную «мыльную оперу» про больницу, где в одной из серий делали операцию. «Мы тоже так можем, а Родни может быть пациентом. Я буду врачом, а ты – медсестрой», – сказал я сестре. Итак, мы закатали рукава и приступили к работе над его левой рукой. «Скальпель», – велел я, и сестра подала мне бритву. Я слегка полоснул по его руке, пошла кровь. «Медсестра, нужен спирт», – скомандовал я. Дениз передала мне алкоголь, и я полил на его порезы. Он проснулся, пронзительно вопя, и погнался за нами по всему дому. Я спрятался за маму. У него и по сей день от нашей шалости остались шрамы.

Порой мы отлично проводили вместе время. Однажды мы с братом прогуливались по Атлантик-авеню, и он сказал: «Давайте пойдем на фабрику пончиков». Раньше он украл там несколько пончиков и, подозреваю, хотел похвастаться мне, что снова может это сделать. Мы подошли, ворота были открыты. Он вошел и взял несколько коробок с пончиками, но ворота оказались уже закрыты. Он там застрял, а уже подходили охранники. Он передал мне пончики, и я рванул вместе с ними домой. Мы с сестрой сидели на крыльце и уминали эти пончики. Наши лица были белыми от сахарной пудры. Наша мама стояла рядом с нами и разговаривала с соседкой.

– Мой сын одним из лучших сдал тест для поступления в Бруклинскую техническую¹², – хвасталась она подруге. – Он такой замечательный ученик, лучший в классе.

И тут подъехал полицейский автомобиль, в котором был Родни. Они собирались высадить его у самого дома, но он услышал, как бахвалилась мама, и сказал копам, чтобы они ехали дальше. И они привезли его прямо в Спофффорд, исправительный центр для несовершеннолетних. Я же с сестрой с удовольствием прикончил те самые пончики.

Я проводил большую часть своего времени с сестрой Дениз. Она была на два года старше меня, и ее любили все в округе. Если она была твоим другом, то это был твой лучший друг. Но если она была твоим врагом, тебе лучше было перейти на другую сторону улицы. Мы делали пирожные с мороженым и орехами, мы смотрели фильмы про рестлинг и каратэ и ходили в магазин вместе с мамой. Это была прекрасная жизнь. Но затем, когда мне было всего семь лет, наш мир перевернулся вверх тормашками.

Начался экономический кризис, мама потеряла работу, и нас выселили из нашей прекрасной квартиры в Бэд-Стай. Пришли люди и вынесли всю нашу мебель на улицу. Мы, трое детей, сидели и охраняли ее, чтобы никто не стащил что-нибудь, пока мама искала, где бы нам приткнуться. Пришли знакомые дети и поинтересовались: «Майк, почему это ваша мебель здесь, а, Майк?» И мы ответили им, что мы переезжаем. Затем соседи увидели нас и принесли нам тарелки с едой.

---

¹² Бруклинская Высшая техническая школа, престижная государственная специализированная естественно-научная средняя школа.

Мы оказались в Браунсвилле. Почувствовать разницу можно было легко. Люди были громче и агрессивнее. Это было ужасное, жестокое, отвратительное место. Моя мама не привыкла к тому, что вокруг ошивается этот тип агрессивных черных. Она была напугана, как и мы с братом и сестрой. Все вокруг было враждебным, там не было места тонким материям. Постоянно куда-то мчались копы с воем сирен, постоянно кого-то забирала «Скорая помощь», постоянно слышалась стрельба. Людей пыряли ножами, окна разбивали. Однажды нас с братом ограбили прямо перед нашим домом. Для нас уже стало привычно наблюдать, как эти парни пуляют друг в друга направо и налево. Все это напоминало фильмы со старым добрым Эдвардом Г. Робинсоном¹³. Насмотревшись на все это, можно было воскликнуть: «Ух ты, это происходит на самом деле!»

Весь квартал был также рассадником распутства и похоти. Казалось, многие там не были стеснены никакими условностями. На улице нередко можно было услышать: «Отсоси у меня!», «Полижи мою мохнатку!» Это была совершенно другая обстановка. Как-то один малый затащил меня с улицы в заброшенное здание и стал приставать ко мне. На этих улицах я никогда не чувствовал себя в безопасности. По большому счету, мы не были в безопасности даже в собственной квартире. Когда мы оказались в Браунсвилле, мамин вечеринки прекратились. Мама обзавелась несколькими подружками, но веселой суеты и посиделок, как в Бэд-Стай, она уже не устраивала. Поэтому она начала сильно пить. Она не нашла другой работы, и я хорошо помню ожидание с мамой в длинных очередях в центре социального обеспечения. Мы ждали и ждали часами, и когда мы были уже совсем рядом, наступало пять часов, и они закрывались, б... дь, прямо перед тобой, совсем как в кино.

В Браунсвилле нас тоже постоянно выселяли. Это случалось несколько раз. Иногда мы оказывались во вполне приличном месте, встречая на какое-то время друзей, а мама – очередного бой-френда. Но чаще всего при очередном переезде условия становились все хуже – от плохого к худшему и к совсем х... вому. В конечном итоге мы селились уже в домах, подлежащих сносу, без тепла, без воды, электричество – если повезет. Зимой мы все четверо спали в одной постели, чтобы согреться. Мы оставались там до тех пор, пока какой-нибудь малый не приходил и не выгонял нас. Мама делала все, что могла, чтобы сохранить крышу над головой. Зачастую это означало для нее спать с кем-то, к кому она на самом деле не питала никакого интереса. Все было именно так.

Она никогда не отдавала нас в приют для бездомных, мы просто переезжали в очередной заброшенный дом. Психологически это сильно ранило, но что было поделать? Вот то, что я ненавижу в самом себе, что я воспринял от своей матери: нет ничего такого, чего бы ты не сделал для того, чтобы выжить.

Одно из моих самых ранних воспоминаний связано с сотрудниками социального обеспечения, которые выискивали незарегистрированных. Дело было летом, мы ходили получать бесплатные обеды и завтраки. Я сказал им: «У меня девять братьев и сестер», – поэтому они дали еды больше. Я чувствовал себя так, словно я записался на войну и получил денежное пособие. Я был так горд, что добыл пропитание для дома. Можете себе представить эту фигню? Я открываю холодильник и вижу там дерьмовый сэндвич, апельсин и маленький пакетик молока. Но зато всего этого – двадцать упаковок. И я пригласил еще народа. «Ты хочешь что-нибудь поесть, брат? Ты голоден? У нас есть еда». Мы вели себя так, словно приобрели эту провизию на свои кровные. А это был бесплатный обед.

Когда я был маленьким, я был маменькиным сыночком. Я всегда спал вместе с мамой. У моей сестры и брата были свои комнаты, а я спал с мамой, пока мне не исполнилось пятнадцать. Один раз мать была с мужчиной, когда я спал в ее постели. Она, наверное, думала, что я крепко спал. Я уверен, что это повлияло на меня, но что было, то было. Когда нарисовывался ее

---

¹³ Эдвард Г. Робинсон (1893–1973) – известный американский актер, получивший признание за роли гангстеров.

парень Эдди Джиллисон, меня отправляли на тахту. Их любовная связь была какой-то неправильной. Думаю, что именно поэтому и мои собственные любовные отношения были такими странными. Они вдвоем пили, дрались, трахались, ссорились, затем опять пили, и дрались, и трахались, и снова, и снова. Они, действительно, любили друг друга, даже если это и была какая-то извращенная любовь.

Эдди был плотным коротышкой из Южной Каролины, работал он на отраслевом заводе «Лондромет»¹⁴. Он не слишком далеко зашел в школьном обучении, и к тому времени, когда мой брат и сестра пошли в четвертый класс, он уже не мог помочь им выполнять домашние задания. Эдди был парнем, который хотел быть главным, но моя мама была женщиной, и она хотела быть главной еще больше, так что все могло пойти наперекосяк на совершенно пустом месте. Всегда были какие-то драчки, приходили и уходили копы, а мне говорили: «Эй, приятель, прогуляйся-ка пока по кварталу». Порой мы все присоединялись к драке. Однажды моя мать и Эдди серьезно поссорились и пустили в ход руки. Я прыгнул между ними, пытаюсь защитить маму и унять его, и бац, он вмазал мне кулаком в живот, и я сполз вниз. Я корчился на полу, *о-о-о!* и не мог поверить в это дерьмо. Я же был просто ребенком! Вот почему я никогда не распускаю рук со своими детьми. Я не хочу, чтобы они, когда вырастут, думали, что я чудовище. Но в то время поколотить ребенка было обычным делом. Тогда это никого не заботило. Это теперь считается почти убийством, и ты отправляешься в тюрьму.

Эдди и моя мать дрались из-за всего: из-за других мужчин или женщин, из-за денег, из-за того, кто из них главнее. Эдди не был ангелом. Когда моя мать собирала подруг, они напивались и она отрубалась, он трахал ее подружек. А потом они дрались. Там, на самом деле, происходили дикие сцены, с поножовщиной и матерщиной: «Ты, ублюдок, мать твою!.. Ты, ниггер, отсоси у меня!..» Мы кричали: «Мамочка, стой, нет!» Однажды, когда мне было семь лет, они подрались, Эдди ударил ее кулаком и выбил у нее золотой зуб. Мама пошла и поставила на огонь большую кастрюлю с водой. Моему брату и сестре она велела залезть под одеяло, я же с увлечением смотрел по телевизору свою любимую спортивную передачу и ничего не слышал. Мама была хитрюгой: она прошла мимо, все было спокойно, затем она вернулась в комнату, когда брат с сестрой уже подготовились, спрятавшись под одеяло. Эдди сидел рядом со мной. Я услышал лишь: «Бац!» – и кастрюля с кипящей водой угодила Эдди в голову. Немного воды выплеснулось и на меня. Было такое ощущение, словно она весила целую тонну.

«А-а-а-а!» – Эдди с криком бросился в коридор. Я побежал следом за ним. Он обернулся и схватил меня. «О детка, эта сука достала и тебя?» – провопил он. «Да, эта сука и меня тоже, а-а-а!» Мы втащили его в комнату, сорвали с него рубашку – его шея, спина и часть лица были покрыты волдырями. Он был похож на рептилию. Мы уложили его на пол перед небольшим оконным кондиционером. Моя сестра села рядом с ним, взяла зажигалку, прокалила кончик иглы и принялась вскрывать волдыри, один за другим. Мы с сестрой оба плакали, и я, чтобы подбодрить его, дал ему четвертак.

Когда я думал об этом, я всегда вспоминал маму как жертву, ведь в большинстве случаев это Эдди бил ее. Я уверен, что леди из движения за освобождение женщин одобрила бы ее действия. И все же у меня возникал вопрос: «Как она могла поступать так с тем, кто считался ее парнем?» И я начинал понимать, что мама отнюдь не была матерью Терезой. У нее было несколько серьезных выходов по отношению к нему, а он по-прежнему оставался с ней. Что интересно: после того как она обварила его, он пошел в магазин купить ей спиртного. Как видите, он решил отблагодарить ее за это. Вот почему у меня складывалось все так неблагоприятно в сексуальном плане.

Вот в такой обстановке я и вырос. Люди, любя друг друга, разбивали один другому головы и истекали кровью, как собаки. Они любили друг друга – и резали друг друга ножами. Черт

¹⁴ Фирменное название прачечных самообслуживания.

возьми, моя семья приводила меня в ужас! Я рос среди грубых женщин, среди женщин, которые дрались с мужчинами. Как я понял, драться с женщиной там не являлось каким-то табу – поскольку женщины, которых я там знал, могли запросто убить тебя. Ты был вынужден драться с ними, потому что в противном случае они бы тебя или порезали, или застрелили. Или же привели бы парней, чтобы, обхитрив тебя таким образом, поколотить тебя, поскольку считали тебя молокососом.

Я боялся находиться в доме, но опасался также и выходить на улицу. Я тогда ходил в среднюю школу, и это был кошмар. Я был пухлым малышом, очень застенчивым, совсем как девушка, и шепелявил. Дети звали меня «мальчик-маленькая фея», потому что я везде ходил вместе со своей сестрой. Мама сказала мне, что я должен был рядом с Дениз, поскольку та была старше меня и должна была присматривать за мной. Они также звали меня «грязный Айк» или «грязный ублюдок», потому что в то время я мало что знал о гигиене. У нас не было горячей воды, чтобы помыться в душе, а когда отключали газ, мы не могли даже вскипятить воды. Мама пыталась научить меня всем этим вещам, но у меня это все равно плохо получалось. Она обычно набирала ведро горячей воды, брала кусок мыла и мыла меня. Но когда ты ребенок, ты не особенно заботишься о гигиене. В конце концов я узнал обо всем, что нужно было знать, на улице от старших детей. Они рассказали мне и об одеколоне «Брют», и о туалетной воде «Пако Рабанн», и о парфюмерии от Пьера Кардена.

Школа была прямо за углом нашего дома, но иногда мама, отходя после выпитого накануне вечером, не провожала меня на уроки. Как раз тогда дети и раздавали мне тычки и пинки. Они кричали мне: «Выметайся отсюда нах...й, ты, ниггер, грязный ублюдок!» Меня постоянно оскорбляли. Меня били по лицу, и я убегал. Когда мы шли в школу, они приставали к нам, а когда мы возвращались домой, они доставали пушки и грабили нас за то, что мы отличались от других. Это было просто изуверство – малолетки грабили нас в нашем собственном доме.

Переломным моментом в моей жизни явилось то, что в первом классе я стал носить очки. Мама проверила мне зрение, оказалось, что у меня близорукость, и она заказала мне очки. Они были паршивыми. Однажды я во время обеденного перерыва шел из школы домой и нес из столовой фрикадельки, завернутые в фольгу, чтобы не остыли. Ко мне подошел парень и спросил: «Эй, деньги есть?» Я ответил: «Нет». Он обшарил мои карманы и всего меня и попытался забрать мои гребаные фрикадельки. Я стал брыкаться: «Нет, нет, нет!» У меня могли отобрать деньги, но только не еду. Я весь согнулся, защищая собственным телом свои фрикадельки. Он принялся бить меня по голове, а затем взял мои очки и запихнул их под бензобак грузовика. Я убежал домой, но мои фрикадельки ему не достались.

Я должен был бы отделать этих ребят, но был слишком напуган, поскольку они вели себя так нагло и самоуверенно, что мне казалось, будто они знали что-то такое, что было неведомо мне. «Не бейте меня, оставьте меня, прекратите!» – повторял я только. Из-за этих издевательств я по сей день чувствую себя трусом. Это иступленное ощущение, что ты беспомощен, – его никогда не забыть. День, когда этот парнишка забрал мои очки, стал последним днем моей учебы в школе. Это было завершение моего образования в учебном заведении. Мне было семь лет, и я больше просто не вернулся в класс.

После этого я появлялся в школе, только чтобы позавтракать там, и уходил. Я шлялся по кварталу пару часов, затем возвращался на обед и вновь уходил. Когда по времени уроки в школе заканчивались, я шел домой. Однажды весной 1974 года трое парней подошли ко мне на улице и начали похлопывать меня по карманам. «Есть деньги?» – спросили они. Я ответил: «Нет». Они продолжали: «А если найдем?» Они вывернули мои карманы и ничего не нашли. Тогда они спросили:

- Куда идешь? Хочешь полетать с нами?
- Что это значит? – поинтересовался я.

Мы подошли к школе, они помогли мне перелезть через забор, и я перебросил им оттуда несколько пластиковых упаковок молока. Затем мы прошли несколько кварталов, и они велели мне войти в заброшенное здание.

«Ну, не знаю», – заколебался я. Я был хилым и маленьким, а их было трое. Мы все же вошли, и они велели: «Ступай на крышу, Шибздик». Я понятия не имел: может, они собирались прикончить меня. Мы забрались на крышу – и я увидел небольшую коробку, в которой были голуби. Эти ребята строили голубятню. Так я стал у них мальчиком на побегушках, «шестеркой». Вскоре я узнал, что, когда птицы летают, они часто садятся на другой крыше, если им лень возвращаться или если они нездоровы. Тогда я спускался вниз, высматривал, на какую крышу они сели, пробирался к этому зданию, поднимался на крышу и вспугивал оттуда птиц. Весь день я гонял птиц, и это было здорово. Мне нравилось заниматься этим. Мне также нравилось ходить в зоомагазин, чтобы покупать птицам зерно. Эти ребята были крутыми парнями, и им льстило, что я был у них мальчиком на побегушках. Всю свою жизнь я ощущал себя неудачником, но здесь, на крыше, я чувствовал себя как дома. Это дело было как раз по мне.

На следующее утро я вновь пришел к тому зданию. Мои вчерашние знакомые были на крыше и, увидев меня, принялись швыряться в меня кирпичами. «Что ты здесь делаешь, убудок? Ты хочешь, блин, стащить у нас птиц?» – спросил один из них. Ничего себе! А я-то думал, что это мой новый дом.

– Нет, вовсе нет! – испугался я. – Я просто хотел знать, может, мне надо сходить в магазин или погонять птиц.

– Ты это серьезно? – удивился он. – Тогда дуй сюда, Шибздик.

И они отправили меня в магазин купить им сигарет. Они были шайкой жестоких уличных парней, но я был не прочь помогать им, потому что птицы увлекли меня. Это было, действительно, здорово – видеть, как две сотни голубей делают круги в небе, а затем возвращаются на крышу.

Гонять голубей – большой спорт в Бруклине. Этим увлекались все, начиная от донов мафии и кончая маленькими детишками из гетто. Это было необъяснимо, это просто было у тебя в крови. Я узнал, как обращаться с птицами, узнал их особенности. Шло время, и я стал знатоком и гордился тем, что разбираюсь в этом. Каждый запускал своих голубей в одно и то же время, и фишка заключалась в том, чтобы попытаться перехватить чужих голубей. Это было похоже на скачки беговых лошадей. Если это у тебя в крови, ты это уже не бросишь. С тех пор, где бы я ни жил, я всегда строил себе голубятню и заводил голубей.

Однажды мы были на крыше, занимались голубями, когда к нам подошел парень постарше нас. Его звали Барким, он был приятелем одного из этих парней. Когда он понял, что его друга нет, он попросил передать, что будет ждать его этим вечером на джем-сейшне в развлекательном центре в нашем районе. Джем-сейшны были похожи на подростковые танцульки, только там не было этого дерьма в духе Арчи и Вероники¹⁵. Вечерами там даже меняли название места: развлекательный центр превращался в «Стрельца». Туда приходили картежники, карманники, хапки, парни из района, которые грабили дома, шарили по карманам, крали цепочки, мошенничали с кредитками. Это был вертеп.

Итак, в тот вечер я пошел в развлекательный центр. Мне было семь лет, и я не имел никакого понятия о такой процедуре, как переодевание. Я не знал, что прежде, чем идти в клуб, следует принять дома душ и переодеться, чтобы производить нормальное впечатление. То есть проделать все то, что делали другие парни, занимавшиеся голубями. Но я направился в развлекательный центр напрямик из голубятни, в той же вонючей одежде, на которой оста-

---

¹⁵ Арчи и Вероника – герои подростковых комиксов для «приличных семей» из среднего класса, совершенно неприемлемых в гетто.

валось птичье дерьмо. Я рассчитывал, что те парни примут там меня как своего, потому что я гонял для них этих треклятых птиц. И вот я ввалился – и народ буквально обалдел:

– Что это за запах? Ты только глянь на этого грязного, вонючего ублюдка!

Все, кто там был, начали смеяться и дразнить меня. Я не знал, что делать. Все потешались надо мной, это так ранило. Я одновременно и плакал, и смеялся, потому что хотел вписаться в обстановку. Подозреваю, что Барким, увидев мое одеяние, сжалился надо мной. Он подошел ко мне и сказал:

– Эй, Шибздик, вали отсюда нах... й. Встретимся завтра утром на крыше в восемь утра.

На следующее утро я был там в назначенное время. Появился Барким и прочел мне лекцию.

– Ты не должен выглядеть как ублюдочный бродяга на улице. Что, мать твою, ты делаешь, чувак? Мы же ведь деловые люди, – говорил он быстро, и я пытался осмыслить каждое слово. – Короче, достаем денег, Шибздик. Ты готов?

И мы стали грабить чужие дома. Он велел мне залезать через окна, которые были слишком малы для него. Затем я изнутри открывал ему дверь. Как только мы оказывались в доме, он обшаривал комоды, ящики, вскрывал сейфы, он буквально сметал все необходимое.

Однажды мы взяли стереосистему с восемью дорожками, ювелирные изделия, оружие, деньги. После этого дела он привел меня на Диленси-стрит и купил мне классную одежду, кроссовки и дубленку. В тот же вечер он взял меня на джем-сейшн, где уже были все те, кто смеялся надо мной, когда я опозорился. На мне была новая дубленка и кожаные брюки. И никто не узнал меня, словно это был не я, а совершенно другой человек. Это было невероятно.

Барким был тем парнем, который ввел меня в криминальную среду. До этого я никогда ничего не крал. Ни буханки хлеба, ни конфет – ничего. У меня не было антиобщественных наклонностей. Я просто не отваживался на такое. Но Барким объяснил мне, что к тебе всегда будут относиться с уважением, если ты хорошо выглядишь. Если ты одет по последней моде, на тебе лучшие шмотки, тогда ты классный чувак. Ты получаешь общественное признание.

Как-то Барким взял меня с собой кататься на роликовых коньках на Ютика-авеню, где я встретил парней, которые звались «Команда Ратленд-роуд». Они были молоды, может, лет двенадцати, но одеты были как взрослые: плащи свободного покроя, обувь из крокодиловой кожи, кроличий мех, широкополые фетровые шляпы. На них была дизайнерская одежда от Сержио Валенте, Джордаш, Пьера Кардена. Я был впечатлен. Барким объяснил, как они это так смогли: эти парни были карманниками, хапками, грабителями. При этом они были просто детьми. Они учились в обычной школе – и у них были часы, кольца, ожерелья. Они водили мопеды. Все называли их бандитами, а мы – денежными братками. Все это было офигительно.

Барким стал представлять меня на улице как своего «сына». Он был лишь на несколько лет старше меня, но это была уличная терминология, которая предупреждала о необходимости относиться ко мне с уважением. Это означало: «Это мой уличный сын, мы одна семья, мы вместе грабим и воруем. Это мой младший деловой партнер. Не связывайтесь, блин, с этим ниггером». Тот, кто уважал его, теперь *должен был* уважать и меня. Барким учил меня, кого следовало опасаться, кому не стоило доверять – дай им палец, всю руку откусят. Моя жизнь напоминала мне жизнь Оливера Твиста, когда Феджин учил его разным штучкам. Барким часто покупал мне одежду, но никогда не давал мне много денег. Ограбив на две тысячи, он давал мне две сотни. Но в восемь лет и две сотни были большими деньгами. Иногда он давал мне на несколько дней поносить что-нибудь из украденных драгоценностей.

С «Командой Ратленд-роуд» я вышел на новый уровень знакомства с криминальной средой. Они были, в основном, латиносы из района Краун-Хайтс. Барким знал старшую группу «Кэтс». Я начал тусоваться с «Командой Ратленд-роуд», их младшей группой. Они брали меня на квартирные блиц-кражи. Мы шли в школу, там завтракали, а затем садились на автобус или в метро и совершали кражи во время школьных занятий. Я начал чувствовать, что при-

надлежу какому-то общему делу. Мы были все равны, каждый из нас на равных участвовал в этих грабежах.

Некоторые, прочтя это, могут осудить меня как взрослого преступника. Но ведь я занимался всем этим свыше тридцати пяти лет назад. Я был маленьким ребенком, искавшим любовь и признание, и я нашел их на улице. Там я получил свое единственное образование, а эти ребята были моими учителями. Даже более старшие по возрасту воры говорили: «Не занимался бы ты этим. Иди лучше в школу». Но я не желал их слушать, хотя на улице они пользовались уважением. Они советовали нам продолжать учиться, а сами в том же возрасте убегали из школы и грабили.

Все ребята уважали меня, потому что я был маленьким дельцом. Я делился с друзьями, которым были нужны деньги. Я доставал всем своим спиртное и еду. Я начал покупать голубей. Если у тебя были хорошие птицы, тебя уважали. Плюс ко всему, это был кайф – сначала украсть что-то, а затем пойти и купить себе одежды. Я видел, как относились ко мне, когда я появлялся, классно одетый, в пальто, подбитом овчиной, в фирменных кроссовках «Пума». У меня был лыжный костюм и желтые очки, хотя я в жизни никогда не был на лыжном склоне. Я не мог прочесть даже по слогам это гребаное название – «Адидас», но зато я знал, как чувствуешь себя в этой обновке.

Один из парней из «Команды Ратленд-роуд» научил меня, как взламывать замки. Если у тебя есть ключ, который хоть как-то подходит к отверстию, ты просто действуешь им до тех пор, пока он не сломает личинку замка – и дверь открыта. Вот это зашибись! Когда мы таким образом открыли одну дверь, вы бы видели, сколько нам всего обломилось: столовое серебро, драгоценности, оружие, пачки денег. Мы были безумно счастливы, мы одновременно рыдали и смеялись. Мы не могли захватить все это сразу. Мы не могли выйти на улицу со всем этим дерьмом. Так что мы просто напихали в свои школьные ранцы столько, сколько туда могло влезть.

Однажды я со своим другом Кертисом грабил дом. Те, кто там жил, были латиносы, как и Кертис. Я пробираюсь там в кромешной тьме и слышу: «Кто там? Это ты, дорогая?» Я решил, что это Кертис дурачится, желая меня напугать, и ответил: «Да вот хочу найти оружие и деньги. Поищи-ка сейф, хорошо?» – «Что, детка?» И тогда я понял, что это не Кертис. Это был парень, который там жил и который лежал на диване. Я бросился к двери. «Кертис, черт, облом! Сматываемся отсюда, здесь кто-то есть», – прошипел я. Но Кертис был педантом. Вместо того чтобы сделать ноги, он решил вначале запереть за собой дверь. Я же рванул прочь к е...ням собачьим. Хозяин распахнул дверь, разбил Кертису голову и чертовски отделал его. Я вообще думал, что тот сыграл в ящик. Но спустя год я снова увидел его. Он был жив, но все его лицо было раскучурчено. Его тогда здорово отделали. Да, наша жизнь была полна опасностей.

Когда мы крали столовое серебро или драгоценности, мы шли к Сэлу, в магазин на Утика-авеню или на Стерлинг-стрит.

Я был ребенком, но они знали меня, так как я приходил со взрослыми парнями. Ребята в магазине знали, что я пришел с краденым, но я знал, что они не могли поколотить меня, потому что я знал, блин, какая тогда будет расплата. Я знал, чего хотел.

Иногда, когда мы в полдень шлялись по улице и видели школу, мы просто заходили в нее, шли в столовую, брали поднос, становились в очередь и приступали к еде. Мы могли присмотреть того, кого мы хотели бы грабануть, того, у кого была цепочка на шее. Поев, мы ставили поднос обратно, шли к двери, срывали приглянувшуюся цепочку и убегали.

Мы старались выглядеть на улице хорошо, потому что, если ты маленький черный ребенок, ходишь один по городу, выглядишь неряшливым и грязным, к тебе, как правило, начинают приставать. Поэтому мы выглядели очень мило и безобидно. У нас были школьные рюкзаки, очки с наклейкой-улыбкой и вид учеников католической школы в приличных брючках и белых рубашках – полная школьная экипировка.

Спустя примерно год я начал собственные квартирные кражи. Это было выгодно, хотя тусовки на улице и карманные кражи в толпе были заманчивее. Ты хватаешь дамские украшения, и копы гонятся за тобой – то, что мы называли: «Пришли герои и решили все проблемы». Это был большой риск за меньшие деньги, но мы любили острые ощущения. Чтобы быть удачливым карманным воров, у тебя, как правило, должен быть напарник.

Порой это даже не планировалось, но ты встречал кого-то знакомого, и вы объединялись в команду. Иногда встречались и конкуренты. Ты садишься в автобус, а там уже кто-то, готовый обчистить карманы у пассажиров. Но ты оказываешься более заметен. Это называется «разбудить автобус». До тебя в автобусе было тихо, но теперь, когда ты вошел, водитель объявляет: «Дамы и господа, в автобус только что сели известные молодые люди. Внимательно следите за своими карманами. Они попытаются обокрасть вас». Ты выходишь на следующей остановке, и карманник, не бросавшийся в глаза, также высаживается и подходит к тебе.

– Ты, ублюдок, ты разбудил автобус! – кричит он. И если он старше тебя, он может надрать тебе задницу и отобрать у тебя деньги или драгоценности, которые ты украл.

Со мной не любили ходить на кражи, потому что я не был так невозмутим или так ловок, как другие. У меня никогда не получалось все гладко, строго по плану, типа «я собираюсь одурачить этого ниггера, я намерен сделать именно это, не откладывая и именно с ним». У меня гораздо лучше получались экспромты, чтобы захватить врасплох.

Любой крепкий парнишка мог захватить кого-то врасплох. Но фишка была в том, чтобы схитрить и обвести вокруг пальца. Большинство людей думает так: «Они запали на меня, но я оставлю их. Уж меня-то они не проведут». Леди может хоть весь день держать руку на своем кошельке. Мы следим за ней – а она не вынимает руку из кармана. Мы следуем за ней, затем вроде бы как отходим, но один малыш из наших по-прежнему наблюдает за ней. Она на несколько секунд ослабляет внимание, идет по своим делам – и он получает то, что требуется, и уходит. И прежде, чем испариться оттуда, мы слышим душераздирающий крик: «А-а-а, мои деньги, мои деньги!» Это был класс. Нам все было пох... й.

Самым элементарным было сорвать у кого-то золотую цепочку. Я обычно делал это в метро. Я садился у окна, чтобы можно было открыть его. Я опускал в вагоне несколько окон, на остановке новые пассажиры заходили и садились к окну. Я выходил и, как только поезд медленно трогался, дотягивался и срывал цепочки. Они кричали, уставившись на меня, но уже не могли выйти из вагона. А я чинил застежку и, подержав цепочку у себя пару дней, чтобы щегольнуть ей, затем продавал ее старшим парням. Те без проблем брали ее у меня.

Хотя я уже начал производить впечатление, я в то время никак не мог поладить с девчонками. Они мне нравились, но я не знал, как сказать им в этом возрасте, что они мне нравятся. Один раз я наблюдал, как девочки прыгали со скакалкой, они мне приглянулись, и я был не прочь попрыгать вместе с ними. Поэтому я стал дразнить их, и, совершенно неожиданно, эти девчонки из пятого класса принялись колотить меня. Я дурачился с ними, а они все восприняли всерьез и застали меня врасплох. Я начал отбиваться слишком поздно. Тогда кто-то вмешался и прекратил драку. Они одержали вверх, я просто не хотел драться с ними.

Для моей матери и моей сестры не оказалось сюрпризом, что я краду и занимаюсь другими асоциальными вещами, чтобы добыть денег. Они видели, что я прилично одет, я приносил им еду – пиццу, бургер-кинги, макдональдсы. Мать понимала, что эти изменения со мной до добра не доведут, но к этому времени было уже слишком поздно. Улица овладела мной. Мать считала, что я стал преступником, что теперь я лучше умру, чем вернусь в прежнее дерьмо. Наверное, она уже встречала детей вроде меня, которые поступали так же. Я крал любые вещи у любых людей. Для меня не существовало каких-либо границ.

Мать предпочла бы заниматься попрошайничеством. Она ставила меня в неловкое положение, потому что была слишком честной. Она всегда просила денег, она жила так и никак иначе. Я давал сестре кучу денег, чтобы выручить маму. Иногда я давал матери сто баксов, и

она никогда не возвращала их мне. И она вовсе не питала ко мне уважения за это. Я говорил: «Ты должна мне некоторую сумму, ма». А она отвечала мне: «Ты обязан мне своей жизнью, мальчик. Я не собираюсь отдавать тебе долг».

Взрослые парни в районе знали, что я ворую. Они отбирали у меня деньги, украшения, обувь, и я опасался, что они расскажут об этом матери. Я не знал, что мне делать. Они избивали меня, крали моих птиц и знали, что могут безнаказанно издеваться надо мной. Барким не учил меня, как драться. Он учил меня лишь, как классно одеваться и как подмывать свой зад. Обычно, когда кто-то кричал на меня на улице или гнался за мной, я просто бросал свои вещи и убегал. Теперь надо мной вновь издевались, но на сей раз я уже кое-что представлял собой.

Подрастая, я всегда хотел быть в центре внимания. Я хотел быть тем парнем, который запросто говорит вещи вроде: «Я здесь самый крутой», «У меня лучшие птицы». Я хотел быть настоящим уличным парнем, острым на язык и не лезущим за словом в карман, но на самом деле я был слишком застенчивым и неловким. Когда я пытался разговаривать в такой манере, любой мог ударить меня по голове и сказать: «Заткнись, нах... й, ниггер!» Но когда я впервые ввязался в уличную драку, я почувствовал, насколько приятно купаться в лучах славы.

Однажды я отправился в район Краун-Хайтс и грабанул дом вместе со старшим парнем. Мы добыли 2200 долларов наличными, он отстегнул мне 600 долларов. Я отправился в зоомагазин и накупил птиц на сотню баксов. Мне упаковали их в корзину, и хозяин помог мне провезти их в метро. Когда я вышел, парень из моего района помог мне перетащить корзину к заброшенному зданию, где я прятал своих голубей. Но он разболтал о моих птицах, поэтому один чувак, его звали Гэри Флауэз, пришел со своими друзьями грабить меня. Мать увидела, как они роются в моем птичьем хозяйстве, и сказала мне об этом. Я выскочил на улицу и столкнулся с ними. Заметив меня, они перестали таскать птиц, но Гэри держал одного голубя под лапами своего пальто. К тому времени вокруг нас собралась большая толпа.

– Отдай мою птицу, – потребовал я.

Гэри вытащил голубя из-под пальто.

– Ты хочешь птицу? Ты хочешь эту сраную птицу? – спросил он. Затем он скрутил голубю голову и швырнул ее в меня, разбрызгав кровь по моему лицу и моей рубашке.

– Побей его, Майк! – крикнул мне один из моих друзей. – Не бойся, просто побей его!

Раньше я не решался драться с кем-либо. Но теперь я вспомнил одного парня старше меня, который жил по соседству. Его звали Уайз, и он был боксером в Спортивной лиге полиции. Он курил травку с нами, и когда ловил кайф, то начинал бой с тенью. Я наблюдал за ним, а он меня подначивал: «Ну, давай же, давай!» Но я никогда даже не имитировал с ним бокса. Теперь же я вспомнил его движения.

Итак, я решил. «А пошел ты нах... й!» Мои друзья были в шоке. Не осознавая, что делаю, я ожесточенно ударил несколько раз, и один из ударов попал в цель. Гэри упал. Когда Уайз вел бой с тенью, он делал подскоки, поэтому я тоже, уронив Гэри, принялся подсакивать своей тупой задницей. Это выглядело так, словно муха суетилась известно где. Практически весь квартал наблюдал за моментом моего триумфа. Все принялись вопить и аплодировать мне. Это было невероятное чувство, сердце бешено колотилось у меня в груди.

– Этот ниггер скачет, чувак, – засмеялся один парень.

Я попытался изобразить бег приставным шагом в стиле Мохаммеда Али, но безуспешно. Чувствовал я себя отлично: я смог постоять за себя, и мне нравилась эта суета, когда все аплодировали мне. Подозреваю, что под личиной застенчивости я всегда скрывал взрывной и веселый темперамент.

У меня теперь был совершенно новый уровень уважения на улице. Вместо «Майк поигрывает с нами?» мою мать теперь спрашивали: «Майк Тайсон сможет с нами поиграть?» Другие парни приводили своих корешей, чтобы драться со мной, и ставили деньги на исход драки. Теперь у меня появился новый источник дохода. Приходили даже из других районов. Я выиг-

рывал достаточно часто. Даже если я проигрывал, те парни, кто бил меня, говорили: «Блин! И тебе только одиннадцать?»

Вот я добился широкой известности в Бруклине. У меня была репутация чувака, который мог подраться с кем угодно – со взрослыми, с любым. Но мы на улице не придерживались правил маркиза Квинсберри¹⁶. Если ты пнул кого-то по заднице, это еще не означало завершения поединка. Если этот парень не мог побить тебя в драке, у него были другие возможности, и порой проигравший возвращался со своими друзьями, которые принимались дубасить тебя битами.

Я начал мстить своим обидчикам за прежние побои. Как-то я гулял со своими друзьями и увидел того парня, который избил и унизил меня несколько лет назад. Он зашел в магазин отовариться. Я выволок его из магазина и принялся метелить его. Я даже не стал ничего объяснять своим приятелям, почему я это делаю, я просто сказал им: «Я ненавижу этого ублюдка». Этого было достаточно: они тоже напрыгнули на него, разорвали в клочья его гребаную одежду и надрали его гребаную задницу. Это тот, кто сорвал с меня очки и отшвырнул их? Я бил его на улице, как драного кота, за свое прошлое унижение. Он, может, уже и забыл обо всем, но я-то ведь нет.

Обретя уверенность в своей способности постоять за себя, я расширил масштабы своей преступной деятельности. Я стал вести себя все более нагло. Я даже стал красть в своем собственном районе. Я думал, что так разрешается. Я не понимал законов улицы. Я полагал, что все должны вести честную игру, потому что я сам, как мне казалось, вел честную игру по отношению к остальным. Я еще не знал, что были люди, с которыми не стоило связываться.

Я жил в многоквартирном доме и крал у всех, кто в нем обитал. Они не понимали, что это я был вором. Некоторые из этих людей были мамиными знакомыми. Они обналичивали свои чеки на оплату социальных нужд, покупали выпивку, приходили к маме, выпивали и веселились. Я заходил в свою комнату, по пожарной лестнице проникал в их квартиры и крал все, что там было. Когда дама поднималась к себе, она обнаруживала кражу и мчалась обратно с криком: «Лорна, Лорна, они забрали все! Они забрали даже детское питание! Они забрали все!»

После того как они уходили, у меня в комнате появлялась мама.

– Я знаю, что ты совершил что-то, не так ли, мой мальчик? Что ты сделал?

Я отвечал:

– Мама, это не я. Посмотри вокруг.

Дело в том, что всю краденую еду и все вещи я оставлял на крыше, и мои приятели вместе со мной забирали мою добычу позже.

– Как мог я сделать что-нибудь? Я был в комнате, вот здесь, никуда не уходил.

– Хорошо, если ты этого не делал, я готова поспорить, что ты знаешь, кто сделал это, ты, вор! – принималась кричать мать. – Ты всего лишь вор! Я никогда ничего не украдала в своей жизни! Я не знаю, откуда ты такой взялся, ты, вор!

О боже! Можете себе представить, слышать такое дерьмо от собственной матери? Моя семья не питала никаких надежд в отношении меня, абсолютно никаких. Они считали, что моя жизнь станет жизнью преступника. До сих пор никто в моей родне не делал таких вещей, как я. Моя сестра постоянно поддевала меня:

– Какие птицы не летают? Тюремные птички! Арестанты!¹⁷

Однажды я был вместе с мамой, когда она навещала свою подругу Виа. Муж Виа был одним из выкобенивающихся денежных тузов. Когда он лег спать, я вынул у него из кармана бумажник и взял деньги. Проснувшись, тот жестоко избил Виа, потому что подумал на нее.

---

¹⁶ Правила маркиза Квинсберри в 1882 году положили основу всем современным правилам любительского и профессионального бокса.

¹⁷ Игра слов: *jailbird* (дословный перевод – «птица в клетке») означает «арестант, заключенный».

Все в районе стали меня смертельно ненавидеть. Кто этого не делал, тот мне завидовал. Даже партнеры. Теперь-то у меня хватало наглости на разные рискованные поступки.

Это было невероятно. Я не испытывал никаких чувств, когда хватал чью-то цепочку и тащил ее вниз по лестнице, и чья-то башка при этом подсакивала по ступенькам, бум, бум, бум. Меня это волновало?! Нет, мне нужна была только цепочка. Я знать ничего не знал о сочувствии и сострадании. А почему я был должен? Никто и никогда не испытывал ко мне никакого сочувствия, никакого сострадания. Я испытывал сочувствие только тогда, когда во время ограбления ранили из пушки или резали ножом кого-нибудь из моих друзей. Вот тогда мне становилось грустно.

Но ты все равно, блин, продолжал делать это. Ты надеялся, что тебя не угробят, что с тобой этого не может случиться. Я просто не мог остановиться. Я знал, что меня могли убить, но меня это не заботило. Я в любом случае не рассчитывал дожить до шестнадцати, так почему бы тогда не взять свое?

Мой брат Родни как-то сказал, что, по его мнению, я был самым смелым парнем из всех, кого он знал. Но я не считал себя смелым. У меня были смелые приятели, которых могли подстрелить за украшения, или часы, или мотоциклы. Но они не отдавали это, когда их грабили. Этим ребят уважали в районе больше всех. Я не знаю, был ли я смелым, но я видел в своей жизни смелых парней. Я всегда думал, что я был скорее больше психом, чем смелым. Я в открытую стрелял в людей в то время, как моя мать выглядывала в окно. Я был безмозглым. Родни думал, это была смелость, но это была просто нехватка мозгов. Я был максималистом, беспредельщиком.

Все, кого я знал, были при деле. Даже те из парней, кто имел работу, все равно ловчили, как-то подрабатывали. Кто-то продавал наркоту, кто-то крал. Это было похоже на мир киборгов, где копы были плохими парнями, а грабители и ловкачи – хорошими. Если ты никого не трогал, то никто тебе ничего не говорил. Тебя просто помечали как зануду. Если ты делаешь гадость, то с тобой все в порядке. Если кто-то напрягает тебя, за тебя пойдут драться. Про тебя знают, что ты свой. Я был настолько крут, что, кажется, все эти гнусные, мерзкие отморозки в округе слышали обо мне.

* * *

Затем все стало осложняться. Меня чуть не поимела полиция. Стрельба в Браунсвилле было еще полбеды. Ты играл в переулке в азартные игры, и в это время появлялись одни парни, которые пуляли в других парней. Ты никогда не знал, когда всплывет очередное дерьмо. Могли примчаться какие-то банды на мотоциклах, бах, бах, стреляя в тебя. Мы знали, где тусуется каждая шайка, поэтому понимали, в каких местах не стоило показываться.

Но когда в тебя начинают стрелять копы, это совсем другое дело. В один прекрасный день мы шли мимо ювелирного магазина на Эмбой-стрит и вдруг увидели, как ювелир нес коробку. Я вырвал ее у него, и мы бросились бежать. Мы были уже у нашего квартала, когда услышали визг шин. Из автомашины выскочили переодетые полицейские и, бах, бах, принялись палить в нас. Я рванул в заброшенное здание, где мы тусовались. Я знал его как свои пять пальцев. Я знал, как пройти сквозь стены или пробраться на крышу, как нырнуть в пролом и забраться на стропила над потолком. Я так и сделал. Я забрался на самый потолок и стал смотреть сквозь пролом. Я мог видеть всех, кто ходил внизу.

Я увидел, как копы вошли в здание. Они походили там, внизу, с оружием на изготовку, и один из них направился прямо к пролому.

– Твою ж мать, эта е... ная шпана действует мне на нервы. Из-за нее я приперся в эти развалины, – высказался он. – Я убью этих е... ных ублюдков!

Я слышал, как белые копы переговаривались между собой и смеялись. В этом здании копы зае... лись бы подниматься на другой этаж, потому что ступеньки там обрушились. Но они могли выследить, что я прятался на стропилах, и отстрелить мне задницу. Я подумывал о том, не перепрыгнуть ли на соседнюю крышу, потому что это было уже мой дом, но для прыжка там было десять футов¹⁸.

Я выбрался на крышу, и мой приятель, который жил в моем доме, уже ждал меня там на крыше напротив. Я стоял на коленях, чтобы копы меня не увидели, и мой наблюдатель давал мне подробный отчет о происходящем.

– Расслабься, Майк. Они вышли из здания. Но они все еще ищут тебя. Там куча полицейских машин, – сообщил он.

Я ждал на крыше, казалось, целую вечность.

– Они уехали, Майк. Они уехали, – доложил, наконец, мой приятель.

Я спустился, но некоторое время еще подождал внутри. Мои друзья осмотрели весь квартал, чтобы убедиться, что копы нигде не прячутся.

– Подожди еще немного, Майк, – посоветовал мой приятель.

Наконец он сообщил, что я могу выходить. Мне жутко повезло, что я выбрался из этой ситуации. В коробке, которую мы стащили, были дорогие часы, медальоны, браслеты, бриллианты, рубины. Чтобы избавиться от всего этого дерьма, нам потребовалось две недели. Что-то мы продавали в одном месте, оставшиеся драгоценности – в другой части города.

Как это ни смешно, но при всей моей воровской практике впервые меня арестовали за украденную кредитную карту. Мне было десять лет. Ясное дело, я был слишком молод, чтобы иметь кредитную карту, поэтому обычно я находил более взрослого парня и просил его купить это, и вот это, и еще что-либо для себя. А затем мы продавали карту другому парню.

Но однажды мы были в магазинчике на Бельмон-авеню и попытались сами воспользоваться картой. Мы были чисто одеты, но просто не выглядели достаточно взрослыми, чтобы иметь кредитную карту. Мы выбрали одежду и кроссовки, притащили все это к прилавку и дали кассиру карту. Она извинилась за задержку и позвонила. А затем она разрешила карту пополам, и через несколько секунд появились копы, которые арестовали нас.

Меня забрали в полицию. У мамы не было телефона, поэтому за ней заехали и привезли ее в участок. Она стала орать и колотить меня, блин, прямо там. К тому времени, как мне исполнилось двенадцать, привод в полицию стал уже рядовым явлением. После всех этих задержаний я должен был бы пойти под суд, но меня не могли посадить в тюрьму, поскольку я был еще несовершеннолетним.

Я ненавидел, когда моя мать оказывалась в полицейском участке и надирала мне задницу. После этого она напивалась с подружками и рассказывала о том, как она выбивала из меня дерьмо. Когда она набрасывалась на меня, я сворачивался в углу калачиком, пытаюсь защитить себя. Это было очень мучительно. До сих пор, оказываясь в какой-нибудь комнате, я прежде всего невольно бросаю взгляд на ее углы, вспоминая те побои, которые я перенес от матери. Она набрасывалась на меня, а я сворачивался калачиком в углу, чтобы защитить себя. Ей ничего не стоило избить меня в продуктовом магазине, на улице, в присутствии моих одноклассников, даже в зале судебного заседания. Полицию это, конечно, не волновало. Однажды копы намеревались составить протокол в отношении меня, но ворвалась мать и так жестоко избивала меня, что они не стали этого делать.

Она билла меня даже тогда, когда я иногда был прав. Однажды, когда мне было одиннадцать, я играл в кости на углу улицы. Против меня играл парень лет восемнадцати. В тот день мне везло, и мои друзья делали ставки на те номера, которые у меня выпадали. Вначале я проиграл 200 баксов, но затем мой номер выпал шесть раз подряд, и я выиграл у него 600 долларов.

---

¹⁸ То есть более трех метров.

– Бросаем еще раз. Ставлю свои часы, – сказал он.

Я бросил, выпало 4–5 – 6.

– По правилам, конец игры, – сказал я. – Гони часы.

– Вообще-то я не дам тебе ничего, – ответил он и попытался выхватить деньги, которые я выиграл у него. Я укусил его, затем ударил его камнем, и началась потасовка. Мамины подруги увидели свалку и побежали к ней.

– Твой сын дерется со взрослым парнем, – сообщила одна из них.

Моя мать ворвалась на сцену. Остальные взрослые спокойно дожидались исхода потасовки, потому что от него зависел денежный вопрос. Если бы этот парень не заплатил, то все поступили бы так же. Была кульминация драки, когда моя мать, вмешавшись, схватила меня за руки, ударила и швырнула меня на землю.

– Почему ты дерешься с ним? – завопила она. – Что он сделал тебе? – А тому парню она сказала: – Я сожалею, сэр.

– Он пытался забрать деньги! – запротестовал я.

Тогда моя мать взяла мои деньги, отдала их парню, а меня ударила по лицу.

– Я сожалею, сэр, – повторила она парню.

– Я убью тебя, ублюдок! – прокричал я, пока она тащила меня прочь.

Я заслужил все эти побои. Я хотел быть одним из тех крутых ребят, у которых были украшения и деньги в кармане, а у взрослых парней, лет пятнадцати, еще и подружки. В то время я не очень-то увлекался девушками, но мне нравилось носить хорошую одежду и привлекать к себе внимание.

Уже в то время мать поставила на мне крест. Ее хорошо знали в районе. Когда это требовалось, она умела быть красноречивой. Другие ее дети хорошо учились и ладили с другими, но потом появился я, единственный, кто не умел ни читать, ни писать. Я не мог постичь этой ерунды.

– Почему ты не можешь понять этого? – спрашивала она меня. – Что с тобой не так?

Она, должно быть, думала, что я умственно отсталый. Когда я был еще ребенком, она водила меня в разные медицинские центры на Ли-авеню, и мне делали психологическую экспертизу. В детстве я разговаривал вслух сам с собой. Подозреваю, что в 70-х годах это было ненормально.

Когда я попал в судебную систему, меня в судебном порядке направили в «специализированную сумасшедшую школу». Спецшкола – это как тюрьма. Тебя там держат взаперти, пока не наступает время идти домой. Тебя привозят на автобусе, полном детьми с антиобщественным поведением и разными е... нутыми чокнутыми. Ты должен делать все, что тебе велят. Я восставал, протестовал, плевал всем в лицо. Нам давали жетоны для проезда в школу и обратно, и я крал эти жетоны для игры. Я обворовывал даже учителей и приходил в школу на следующий день в обновке, которую покупал на их деньги. Я делал много дурных вещей.

Меня определили как «сверхактивного» и прописали мне торазин¹⁹. Они проигнорировали риталин²⁰ и перешли прямо к «большому Т». Эти ублюдки давали мне в 70-х годах маленькие дерьмовые черные таблетки. Торазин – это был экскурс в иной мир. Я сидел, оставив взгляд на чем-то, но не мог двигаться, не мог ничего делать. Все было ништяк. Я все слышал, но был в полной отключке; я был как зомби. Я не просил есть, мне просто приносили еду в нужное время. Меня спрашивали: «Ты хочешь в туалет?» И я отвечал: «А-а, да, хочу». Я даже не осознавал, когда мне хотелось по нужде.

---

¹⁹ Хлорпромазина гидрохлорид, первый синтезированный антипсихотик, на сленге – «большой Т».

²⁰ Метилфенидат, ранее применялся как психостимулятор при угнетении нервной системы.

После всего этого дерьма меня отпускали из школы домой, и я прохлаждался, пересматривая по телевизору «Рокки и его друзья»²¹. Мама думала, что со мной что-то случилось, но я был просто задолбан лекарствами. Поставив мне неверный диагноз, там, наверное, слегка переборщили с лекарствами. Но я лично никогда не был в обиде на то, что мне поставили неверный диагноз. Я всегда считал, что плохие вещи со мной происходили только потому, что со мной самим что-то было не в порядке.

Кроме зомбированных и сумасшедших детишек, в спецшколы направляли также преступных элементов. И все преступники из разных районов получали возможность познакомиться друг с другом. Мы ходили на Таймс-сквер, чтобы потолкаться и пошарить по карманам, и встречали там всех этих парней из нашей спецшколы. Они были при деньгах, в дубленках и модной одежде и занимались тем же, чем и мы.

Как-то в 1977-м я тусовался на Таймс-сквер и встретил там своих ребят из района Бэд-Стай. Мы стали разговаривать, и вдруг один из них выхватил у проститутки сумочку. Она пришла в бешенство и швырнула мне в лицо чашку с горячим кофе. К нам направились копы, и я со своим приятелем Бабом рванул прочь. Мы вбежали в ХХХ-кинотеатр²², чтобы спрятаться, но туда вскоре заявила и эта проститутка вместе с копами.

– Это они, – указала она на Баба и меня.

– Чего я-то? Я тут ни при чем, блин! – возразил я, но копы отконвоировали нас наружу и впихнули на заднее сиденье своей машины. Сумасшедшая шлюха на этом не успокоилась. Она потянулась через заднее окно и расцарапала мне лицо своими длинными бл... скими ногтями.

Когда мы убегали с Таймс-сквер, я видел своих приятелей из Бэд-Стай; тот, кто устроил все это дерьмо, спокойно наблюдал за происходящим с улицы.

Нас привезли в полицейский участок в центре города. Меня арестовывали много раз, поэтому я уже привык к этой системе. Но на сей раз учли, сколько у меня приводов в полицию, а их было слишком много, так что меня определили напрямик в «Спофффорд».

«Спофффорд» был исправительным центром временного заключения для несовершеннолетних, расположенным в Хантс-Поинт в Бронксе. Я слышал жуткие истории о «Спофффорде». Рассказывали, что там в ходу были избиения другими заключенными и тюремщиками. Понятное дело, меня все это не слишком воодушевляло. Мне выдали какую-то одежду и отвели на ночь в камеру.

Утром я был в ужасе. Я понятия не имел, что меня ожидает на новом месте. Но когда я пришел в столовую на завтрак, это было похоже на встречу с одноклассниками. Я сразу же увидел своего приятеля Кертиса, парня, с которым я ограбил дом и которого хозяин отделал под орех. Затем я увидел и других своих старых партнеров.

«Расслабься! – сказал я сам себе. – Здесь все свои».

После того первого раза я попадал в «Спофффорд» и покидал его как за не фиг делать. «Спофффорд» стал для меня местом частого кратковременного пребывания, таймшером.

Однажды всех нас привели в актовый зал для просмотра фильма «Величайший на все времена» о Мохаммеде Али. Когда он закончился, мы стали аплодировать – и были поражены, увидев, что на сцену вышел сам Али. Это было нереально. Ему не нужно даже ничего говорить – как только я увидел его, я решил, что хочу быть, как он. Он заговорил с нами, и нас это очень воодушевляло. Я понятия не имел, что я до этого делал в своей жизни, но теперь я знал, что хотел быть похожим на него. Забавно, но люди больше так не говорят. Если они видят превосходный бой, они могут сказать: «Я хочу быть боксером». Но никто не скажет: «Я хочу быть похожим на него». Нет нескольких Али, он один. Вот прямо тогда я и решил

---

²¹ Мультипликационный комедийный сериал.

²² Кинотеатр с порнофильмами.

стать великим. Я не знал, что мне для этого надо сделать, но я решил, что хочу, чтобы на меня смотрели так же, как на Али.

Не поймите меня неправильно. Я еще не вышел из «Споффорда» и не развернулся на все 360 градусов. Я все еще был мелкой паскудой. Обстановка дома портилась. После всех этих арестов, спецшкола и лекарств моя мать совершенно изверилась во мне. Если уж возвращаться к моему раннему детству, она никогда и не питала никаких надежд в отношении меня. Я просто знаю, что тот медик, расистский мудака, тот парень, который сказал, что я задрочен и отстаю в развитии, он тогда украл у моей матери надежду и веру в меня. Они все украли любовь ко мне и мою защиту, которые я мог бы получить.

Я никогда не видел свою мать счастливой со мной, я не помню, чтобы она гордилась мной и моими делами. У меня никогда не было возможности поговорить с ней, узнать ее получше. В профессиональном плане это вряд ли имело для меня какое-либо значение, но в эмоциональном и психологическом это могло играть громадную роль. Я видел, как матери целовали моих друзей. У меня такого никогда не было. Если вы думаете, что раз она позволяла мне спать в своей постели, пока мне не исполнилось пятнадцать, она любила меня, то вы ошибаетесь: она просто всегда была пьяна.

Поскольку я оказался в коррекционной системе, власти решили для исправления отправить меня в приют. Они взяли группу детишек, которые там были, обманутых, совращенных, ненормальных, и отправили их всех вместе туда, где правительство платило людям, которые за нами присматривали. Все это была показуха. Я никогда не удерживался там более двух дней. Я просто убежал. Один раз я был в приюте в Брентвуде, Лонг-Айленд. Я позвонил домой и со слезой в голосе пожаловался матери на то, что у меня совершенно не было травки для косяка. Она велела Родни купить и доставить мне все необходимое. Она всегда была хорошим организатором.

В конечном итоге меня направили в Маунт-Лоретто, учреждение на Стейтен-Айленд, но ничто уже не могло изменить меня. Я стал красть у парней на пароме на Стейтен-Айленд. Никогда не знаешь, у кого ты крадешь. Иногда ты обкрадываешь не того парня, кого надо, и он желает получить свои деньги обратно. В данном конкретном случае такой парень просто начал бросаться на всех.

– Кто взял мои гребаные деньги? – вопил он.

Он принялся лупить всех подряд, весь паром приводил в чувство этого ублюдка. Его обокрал мой приятель, и этот урод пнул его, даже не подозревая, что наткнулся на виновника. Мы покинули паром, давась от смеха при воспоминании о том, как мы отхватили денег. Даже мой приятель смеялся сквозь слезы, потому что его задница все еще болела от пинка. Этот парень выбросил бы нас с парома, если бы он знал, что это мы стащили его деньги. Сейчас, вспоминая, какую жизнь я тогда вел, я ужасаюсь. О боже, ведь он мог запросто прикончить нас, он здорово рассвирепел.

Меня освободили из учреждения для несовершеннолетних на Стейтен-Айленде в начале 1978 года, и я вернулся в Браунсвилл. Я узнал, что многие мои приятели нелепо погибли: из-за ювелирных украшений или пары сотен долларов. Я огорчился, но воровать и грабить так и не перестал. Я наблюдал за более старшими ребятами, которых я уважал. Я видел, как они росли и приобретали вес, но видел также и проблемы, с которыми они сталкивались. Их нещадно били за воровство, но они уже не могли остановиться. Это было у них в крови.

Район становился для меня все более неприветливым, меня в нем все больше ненавидели. Мне было всего одиннадцать лет, но иногда, когда я шел по своим делам, какой-нибудь домо-владелец или хозяин магазина, заметив меня, мог швырнуть в меня камнем или чем-нибудь еще.

– Ублюдок, малолетнее ворье, сволочь! – кричали они.

Если они видели на мне хорошую одежду, они знали, что я, ниггер, просто украл ее у них. Однажды я остановился рядом с домом, чтобы поговорить с приятелем, и один парень, Ники, вышел с ружьем, а у его друга был пистолет. И этот чувак вытащил пистолет из кобуры, а Ники засунул ружье мне в штаны, к моему члену.

– Послушай, маленький ниггер, если я услышу, что ты опять собрался на эту гребаную крышу, я вздрючу тебя. Если я когда-нибудь увижу тебя снова в этом районе, я сделаю у тебя в штанах яичницу, – сказал он.

Я даже не знал, кто это такой, черт подери, но зато он, видимо, знал, кто я. Можете ли представить, чтобы к вам вот так подошли и таким вот образом поступили бы с вами?

Незадолго до того, как мне исполнилось тринадцать, меня вновь арестовали за хранение краденого. Власти уже перебрали для меня все места для отсидок в окрестностях Нью-Йорка. Не знаю уж, какого рода научные диагностические тесты они использовали на сей раз, но меня решили направить в спецшколу для мальчиков «Трион», учреждение для несовершеннолетних правонарушителей, в северной части штата Нью-Йорк, около часа езды к северо-западу от Олбани.

Моя мать была рада, что я еду на север штата. В то время много взрослых парней приходили в дом, разыскивая меня.

– Твой брат – грязный ублюдок. Я убью его, – грозили они моей сестре.

– Он просто ребенок, – отвечала она. – Он же не забрал твою жену или не сделал что-то еще в этом роде.

Можете себе представить: взрослые парни приходят в твой дом, разыскивая тебя, а тебе при этом всего двенадцать лет! Разве это не дерьмо? И можно ли после этого винить мою мать в том, что она утратила все надежды, связанные со мной?

Глава 2

То, что меня отправили в исправительное заведение штата, было паршиво. Теперь я был со взрослыми парнями. Они были более крутыми, чем ребята в «Споффорде». Но и «Трион» был неплохим местом. Здесь было много домиков наподобие коттеджей, можно было выходить гулять, играть в баскетбол, ходить в тренажерный зал.

Но я сразу же влип в историю. Я просто все время злился. У меня были плохие отношения со всеми. Я был со всеми в контрах и хотел, чтобы все знали, что я из Бруклина и со мной шутки плохи.

Я собирался на занятия, когда этот парень прошел мимо меня в зал. Он вел себя грубо, словно был настоящим бандитом. Проходя мимо, он заметил у меня в руке шапочку. Он выхватил ее и пошел дальше. Я не знал его, но он меня оскорбил. Следующие сорок пять минут я сидел в классе, размышляя о том, как я убью этого парня за свою шапочку. Когда занятия закончились, я вышел и увидел его у двери вместе с приятелями.

«Он твой, Майк!» – подумал я. Я подошел к нему. Он держал руки в карманах, глядя на меня так, будто у него не было по жизни абсолютно никаких проблем. Словно я должен был напрочь забыть, что сорок пять минут назад он стащил у меня шапочку. И я в ярости набросился на него.

На меня надели наручники и отправили в «Элмвуд», карцер для неисправимых. В «Элмвуде» было жутко. В персонал туда набрали здоровенное грубое деревенское быдло. Можно было наблюдать, как эти амбалы по двое сопровождали кого-нибудь в наручниках.

Те из «Элмвуда», кто заслужил это, по выходным уходили на несколько часов. Возвращались они с расквашенными носами, выбитыми зубами, сломанными ребрами. Вначале я думал, что их избивал персонал, поскольку в те времена никто не звонил в Министерство здравоохранения и социальных служб, если персонал причинял детям вред. Но чем больше я говорил с этими избитыми ребятами, тем больше понимал, что они были счастливы.

«Да, старик, мы едва не сделали его, мы почти сделали его!» – смеялись они. Я понятия не имел, о чем они говорили, пока мне не растолковали. Оказывается, они занимались боксом с мистером Стюартом, одним из воспитателей. Бобби Стюарт был крепким ирландским парнем, весом около 170 фунтов²³, профессиональным боксером. Он был чемпионом страны среди любителей.

Когда я вновь оказался в карцере, кто-то из персонала подтвердил мне, что экс-чемпион учит детей боксу. Сотрудники, которые рассказали мне об этом, были весьма добры ко мне, и я решил встретиться с ним, потому что полагал, что он также окажется любезным.

В тот вечер я находился в своей комнате, когда раздался громкий, устрашающий стук в дверь. Я открыл дверь – это был мистер Стюарт.

– Ну, жопа с ручкой, я слышал, ты хочешь поговорить со мной, – пробурчал он.

– Я хочу стать боксером, – сказал я.

– Как и остальные парни. Но они не работают как следует, чтобы стать боксерами, – ответил он. – Если ты будешь все делать верно, перестанешь быть таким придурком, как они, и будешь уважать это дело, я готов поработать с тобой.

Так что, я сделал заявку. Подозреваю, что я сглупил, но я начал прилежно учиться, стал отличником, говорил всем и каждому: «Да, сэр», «Нет, мэм» – и вообще превратился в примерного гражданина, так что теперь я вполне мог идти драться со Стюартом. Это заняло у меня месяц, но наконец-то я заслужил это. Все ребята пришли посмотреть, смогу ли я надрать

---

²³ Более 77 кг.

ему задницу. Я был абсолютно уверен в том, что одержу верх и что после этого каждый начнет лебезить передо мной.

Я сразу же начал молотить, и он закрылся. Я колошматил и колошматил, а он вдруг извернулся и, бац, попал мне прямо в живот.

«У-ух!» Я выблевал все, что съел за последние два года. «Что это было, твою мать?» В то время я еще ничего не знал о боксе. Это теперь я знаю, что если тебя ударили в живот, то у тебя на несколько секунд сбивается дыхание, но затем оно восстанавливается. В то время я об этом понятия не имел. Мне показалось, что я больше не смогу дышать вообще и сдохну. Я отчаянно пытался вздохнуть, но все, что я мог делать, – это блевать. Это был просто атас.

– Вставай и вон отсюда! – рявкнул он.

После того как все ушли, я смиренно подошел к нему.

– Извините, сэр, вы не могли бы научить меня, как это делать? – спросил я.

Я мечтал о том, что теперь, когда я вернусь в Браунсвилл, то шмякну какого-нибудь ублюдка вот так в живот, он брякнется – я смогу обчистить его карманы. Вот о чем я тогда думал.

Должно быть, он увидел во мне что-то, что ему понравилось, потому что после нашей второй встречи он сказал мне:

– Ты бы хотел это по-настоящему?

И мы начали заниматься регулярно. После тренировок я возвращался в свою комнату и всю ночь напролет вел бой с тенью. У меня получалось все лучше и лучше. Я сам не осознавал этого, но во время одного спарринга я провел джеб²⁴, сломал Бобби нос и чуть не сбил его с ног. Он взял на всю неделю отгул и отлеживался дома.

После нескольких месяцев тренировок я позвонил маме и соединил ее с Бобби. «Скажи ей, скажи ей!» – попросил я. Я хотел, чтобы он сказал ей, на что я способен. Я просто хотел, чтобы она знала, что я мог что-то сделать. Я воображал, что она, возможно, поверит мне, если белый человек скажет ей это. Она, однако, решила, что у меня что-то случилось, и ответила ему, что у нее и своих проблем хватает. Она продолжала думать, что я неисправим.

Вскоре после этого Бобби пришел ко мне с идеей:

– Я хочу показать тебя легендарному тренеру по боксу Касу Д'Амато. Он может вывести тебя на следующий уровень.

– А на фига? – спросил я. В то время я не доверял никому, кроме Бобби Стюарта, который, получается, собирался передать меня кому-то другому.

– Просто поверь этому человеку, – сказал он мне.

И вот однажды в выходной день в марте 1980 года я с Бобби поехал в Катскилл, Нью-Йорк. Спортивный зал Каса представлял собой переделанный конференц-зал над участком городской полиции. Окон не было, свет давали старомодные лампы. Я заметил на стенах плакаты и вырезки из местных газет о парнях, добившихся успеха.

Кас выглядел совершенно так же, как должен был бы выглядеть крутой тренер по боксу. Он был низеньким, крепкий, лысым и, насколько можно было судить, сильным. Говорил он резко и был чрезвычайно серьезен. На его лице не было ни тени улыбки.

– Как дела? Я – Кас, – представился он. У него чувствовался сильный бронкский акцент. С ним был молодой тренер по имени Тедди Атлас.

Мы с Бобби вышли на ринг и начали спарринг. Я принялся гонять Бобби по рингу, колошматя его. Как правило, мы проводили три раунда, но в середине второго раунда Бобби попал мне пару раз в нос с правой, и у меня пошла кровь. Мне не было больно, но все лицо у меня было в крови.

– Достаточно! – заявил Тедди.

---

²⁴ Короткий резкий прямой удар в голову.

– Сэр, пожалуйста, дайте мне закончить этот раунд и провести еще один! Мы обычно деремся так! – взмолился я. Мне хотелось произвести впечатление на Каса.

Полагаю, я смог сделать это. Когда мы выбрались из ринга, первое, что Кас сказал Бобби, было: «Это чемпион мира в тяжелом весе».

Сразу же после спарринга мы пошли к Касу на обед. Он жил в большом белом доме викторианского стиля на десяти акрах земли. С крыльца можно было видеть Гудзон. С другой стороны дома были клены и кусты роз. Я в жизни еще не видел такого дома.

Мы сели, и Кас признался мне, что он не мог поверить в то, что мне всего тринадцать лет. А затем он поведал мне о моем будущем. Он видел меня в спарринге меньше шести минут, но его мнение было бесповоротным.

– Ты выглядишь великолепно, – сказал он. – Ты отличный боец.

Это был величайший комплимент.

– Если ты будешь следовать моим наставлениям, я смогу сделать тебя самым молодым в истории чемпионом мира в тяжелом весе.

Б... дь, откуда он мог знать это? Мне оставалось лишь думать, что он извращенец. В том мире, из которого я был родом, люди поступали именно так, когда они западали на тебя. Я не знал, что и сказать. Никогда еще не случалось так, чтобы кто-нибудь говорил мне приятное. Мне захотелось остаться с ним, потому что мне понравилось, как он обращается со мной. Позже я понял психологию Каса: ты даешь слабаку почувствовать себя сильным, и он начинает от тебя зависеть.

На обратном пути в «Трион» я был весьма взволнован. Я сидел с охапкой роз от Каса на своих коленях. Раньше я никогда не видел роз, только по телевизору, и мне захотелось взять их, потому что они выглядели так изысканно. Мне захотелось что-нибудь взять с собой на память, и я попросил его об этом. Ощущая запах роз, вспоминая слова Каса, которые звучали у меня в ушах, я чувствовал себя превосходно, словно для меня переменялся весь мир. Я знал в эти минуты, что обязательно стану знаменитым.

– Думаю, что ты ему понравился, – сказал Бобби. – Если ты не полный придурок и не мудака, все будет хорошо.

Он также радовался за меня.

Вернувшись в свой учебно-исправительный домик, я положил розы в воду. Кас дал мне посмотреть огромную «Энциклопедию бокса», и я не спал всю ночь, читая ее. Я прочел о Бенни Леонарде²⁵, Гарри Греббе²⁶, Джеке Джонсоне²⁷. Это по-настоящему захватило меня. Я хотел быть таким, как эти парни. Для них, казалось, не существовало никаких общепринятых правил. Они много работали, но в перерывах могли просто околачиваться по округе, и на них смотрели, словно на небожителей.

Я стал приходить к Касу тренироваться каждые выходные. Я работал с Тедди в тренажерном зале, а затем оставался в доме Каса. Там еще были другие боксеры, которые жили вместе с Касом и его спутницей, славной украинкой Камиллой Эвальд. Когда я впервые попал в их дом, я украл деньги из бумажника Тедди. Ведь это дерьмо не проходит само собой только потому, что у тебя все налаживается. А мне нужны были деньги на травку. Я слышал, как Тедди сказал Касу:

– Наверное, это он.

– Нет, это не он, – ответил Кас.

---

²⁵ Бенни Леонард, настоящее имя Гершон Бен Авраам (1896–1947) – американский боксер-профессионал, выступавший в легкой весовой категории.

²⁶ Эдвард Генри «Гарри» Греб (1894–1926) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в полутяжелой и средней весовых категориях.

²⁷ Джек Джонсон, настоящее имя Джон Артур Джонсон (1878–1946) – американский боксер-профессионал, первый чернокожий чемпион мира в тяжелом весе.

Я был в восторге от занятий боксом. А окончательно я убедился в том, что хотел бы сделать бокс делом своей жизни, посмотрев по телевизору у Каса на выходных первый бой между Леонардом и Дюраном²⁸. Ух, этот бой по-настоящему захватил меня! Это было так здорово! Они оба боксировали так элегантно и эффектно, стремительно нанося удары. Это было похоже на балет, они словно выступали на сцене. Я был просто поражен. Я еще никогда не испытывал такого воодушевления.

Когда я начал ходить к Касу, он вначале даже не давал мне боксировать. После окончания моей тренировки с Тедди Кас садился со мной, и мы беседовали. Он расспрашивал о моих чувствах, эмоциях, рассказывал о психологии бокса. Он хотел полностью понять меня. Мы много говорили о духовных аспектах поединка. «Если у тебя нет духовного стержня, ты никогда не станешь боксером. И совершенно неважно, насколько ты крепок или силен», – объяснял он мне.

Мы говорили о достаточно абстрактных понятиях, но он умел доносить их до меня. Кас знал, как говорить на моем языке. Он сам вырос в районах с грубыми нравами и тоже был уличным мальчишкой.

Прежде всего Кас рассказывал, что такое страх и как его преодолеть.

– Страх – это самое большое препятствие для обучения. Но страх одновременно и твой лучший друг. Страх – это как огонь. Если ты научишься контролировать его, ты заставишь его работать на тебя. Если же ты не научишься его контролировать, он уничтожит тебя и все вокруг тебя. Он как снежный ком на холме: пока он не покатился вниз, ты можешь лепить его, перекатывать с места на место, делать с ним, что захочешь; но если он покатится, то станет большим и раздавит тебя. Поэтому никогда нельзя позволять страху расти и выходить из-под контроля. Иначе ты не сможешь достичь своей цели или спасти себя.

– Представь себе оленя, который перебегает открытое поле. По мере приближения к лесу инстинкт вдруг говорит ему, что там его подстерегает опасность, например ягуар. Природа включает свои защитные функции, надпочечники вбрасывают в кровь адреналин, это заставляет сердце биться быстрее, что, в свою очередь, позволяет организму выполнять необыкновенные чудеса ловкости и силы. Если обычно олени способны сделать прыжок на пятнадцать футов, то адреналин позволяет им прыгнуть на сорок или пятьдесят футов²⁹, что достаточно для того, чтобы уйти от опасности. У человека – то же самое. Если тебе угрожают или ты боишься, что тебя покалечат, адреналин ускоряет работу сердца. Под влиянием адреналина люди могут совершать невероятные подвиги.

– Знаешь ли ты разницу между героем и трусом, Майк? Нет разницы в том, что они чувствуют. Разными их делает то, как они *поступают*. И герой, и трус испытывают совершенно одно и то же, но ты должен уметь контролировать себя, чтобы поступить так, как герой, и удержать себя от поступка труса.

– Не полагайся на свою психику, Майк. Пойми, тебе предстоит бороться с ней, контролировать ее, сдерживать ее. Ты должен контролировать свои эмоции. Усталость на ринге на девяносто процентов – это психологический фактор. Это только предлог для того, кто хочет прекратить бой. В ночь перед боем ты не можешь уснуть – не волнуйся, у другого парня то же самое. Когда начнется взвешивание, тебе будет казаться, что он гораздо крупнее тебя и спокоен, как удав. Но поверь: его изнутри испепеляет страх. Твое воображение способно наделять его такими способностями, которых у него нет. И помни, что движение снимает напряжение. В тот момент, когда раздастся гонг и вы вступаете в контакт друг с другом, вдруг оказывается, что твой соперник – как и все остальные, потому что теперь твои фантазии развеялись. Сам

---

²⁸ Роберто Карлос Дюран Саманьего (род. в 1951 г.) – панамский боксер-профессионал, чемпион мира в легкой (версия WBA, 1972–1978 гг.; версия WBC, 1978 г.), полусредней (версия WBC, 1980 г.), первой средней (версия WBA, 1983 г.) и средней (версия WBC, 1989 г.) весовых категориях; признан лучшим легковесом XX века.

²⁹ Около 5, 12 и 15 метров, соответственно.

бой – это единственная реальность, которая имеет значение. Ты должен учиться навязывать свою волю и брать контроль над этой реальностью.

Я мог слушать Каса часами, что я и делал на самом деле. Кас рассказывал мне о важности действовать интуитивно и непринужденно, так, чтобы не позволять своим эмоциям и чувствам сковать тебя. Он рассказал, что однажды имел разговор об этом с великим писателем Норманом Мейлером.

– Кас, вы сами не осознаете этого, но вы практикуете дзэн-буддизм³⁰, – сказал Мейлер Касу и подарил ему книгу, которая называлась «Дзэн в искусстве стрельбы из лука»³¹. Кас иногда читал ее мне.

Он рассказал мне, что во время своего первого боя он на практике испытал высшую степень эмоциональной отстраненности. Он тогда приходил в тренажерный зал, решив стать профессиональным боксером. Он уже неделю или две работал с грушей, когда менеджер поинтересовался, не хочет ли он побоксировать с кем-нибудь. Он оказался на ринге, его сердце бешено стучало. Раздался гонг, его соперник бросился в атаку и принялся осыпать его градом ударов. Его нос опух, глаз заплыл, он истекал кровью. Парень спросил его, продолжит ли он второй раунд, и Кас ответил, что хотел бы попробовать. Он начал второй раунд – и вдруг почувствовал, что его сознание отделилось от тела. Он будто наблюдал за собой со стороны. Он ощущал удары словно издалека. Он сознавал, что они были, но почти не чувствовал их.

Кас учил меня: чтобы стать хорошим боксером, надо уметь отрешаться от своих мыслей. Он усаживал меня и говорил:

– Переступи грань. Сосредоточься. А теперь расслабься, пока не увидишь себя смотрящим на самого себя. Скажи мне, когда это произойдет.

Это было очень важно для меня. Я все воспринимал слишком эмоционально. Позже я понял, что, если бы я не научился отрешаться на ринге от своих чувств, я пошел бы ко дну. Я мог нанести сопернику тяжелый удар, а затем переживать, почему же он не упал.

Кас развил это внетелесный опыт, перенеся его на один уровень выше. Он отделял свое сознание от тела, а затем мысленно рисовал будущее в своем воображении.

– Все идет нормально, я наблюдаю сам за собой, – говорил он мне. – Это я, но одновременно это и не я, словно мое сознание и мое тело не соединены, но на самом деле они соединены. В моем сознании есть картинка того, что должно произойти. Я могу реально видеть это, как на экране. Я вижу начало движения соперника и вижу, как именно он будет реагировать. Когда это происходит, я могу наблюдать, как парень ведет бой, и я знаю все, что нужно знать об этом парне. Я словно вижу, как крутятся колесики в его голове. Будто я сам – этот парень, словно я внутри его.

Он утверждал даже, что мог контролировать события, используя свое сознание. Кас тренировал Рокки Грациано³², когда тот выступал на любительском ринге. Один раз Кас был в команде Рокки, когда тот проводил тяжелый поединок. Оказавшись дважды на полу, Рокки вернулся в свой угол и хотел уже прекратить бой. Но Кас вытолкнул его на ринг на следующий раунд и, пока Рокки не сдался, использовал свое сознание, чтобы направить руку Рокки для удара. Все получилось, соперник упал, и рефери остановил бой. Моим тренером был крутой парень.

Кас был убежденным сторонником того, что ты в своем сознании должен быть тем, кем ты хочешь стать. Если ты хочешь стать чемпионом мира в тяжелом весе, тебе надо начать жизнь чемпиона в тяжелом весе. Мне было только четырнадцать лет, но я был убежденным

---

³⁰ Дзэн-буддизм – разновидность японского буддизма, проповедующая медитацию, созерцание и интуицию как путь к достижению гармонии с окружающим миром.

³¹ Автор произведения – Ойген Херригель.

³² Рокки Грациано, настоящее имя Томас Рокко Барбелла (1922–1990) – американский боксер-профессионал середины XX века, чемпион мира в среднем весе.

сторонником философии Каса. Постоянно тренироваться; все просчитывать, как римский гладиатор; мысленно находиться в состоянии постоянной борьбы, внешне оставаясь спокойным и расслабленным. Даже не подозревая этого, он исповедовал «закон притяжения»³³ и обучал меня ему.

Кас был также мастером внушения. У него была книга под названием «*Сознательное самовнушение как путь к господству над собой*» французского фармацевта и психолога Эмиля Куэ. Куэ рекомендовал своим пациентам повторять себе: «Каждый день я становлюсь все лучше и лучше во всех отношениях», снова и снова. У Каса была катаракта одного глаза, и он повторял эту фразу, которая, как он утверждал, помогала ему.

Кас заставлял и нас применять методы самовнушения. Так, меня он заставлял говорить: «Я лучший боксер в мире. Никто не может побить меня. Я лучший боксер в мире. Никто не может побить меня», снова и снова, весь день. Мне нравилось это делать. Мне нравилось слышать это о себе от самого себя.

Цель всех этих методов состояла в том, чтобы создать у боксера уверенность в своих силах. Уверенность – это было все. Но чтобы быть уверенным в себе, ты должен был испытать себя, рискнуть. Уверенность не возникает сама по себе, из воздуха. Она приходит к тебе после того, как ты раз за разом перебираешь в своем уме то, что помогает тебе ее развить.

Кас выложил все это мне в первые несколько недель, что мы были вместе. Он изложил мне весь план. Он объяснил мне мое предназначение. Я должен был стать самым молодым чемпионом в тяжелом весе всех времен. Я не знал этого тогда, но после одной из наших первых долгих бесед Кас признался Камилле:

– Камилла, это тот, кого я ждал всю свою жизнь.

Приближался день, когда я должен был из «Триона» вернуться в Бруклин. Однажды ко мне подошел Бобби Стюарт и сказал:

– Я не хочу, чтобы ты возвращался в Бруклин. Я боюсь, что ты совершишь какую-нибудь глупость и тебя убьют или снова посадят в тюрьму. Ты хочешь продолжать работать с Касом?

Я тоже не хотел возвращаться. Я хотел изменений в своей жизни. Кроме того, мне нравилось, как эти люди общались со мной – так, что я чувствовал себя частью общества. Я рассказал своей матери о жизни с Касом.

– Ма, я хочу поехать туда, чтобы тренироваться. Я хочу стать боксером. Я смогу быть лучшим боксером в мире.

Вот как Кас запудрил мне мозги. Это ведь все он внушил мне: убедил меня в том, что я стану великим, что я буду совершенствоваться, день за днем, всегда и во всем. Вбил мне в голову идеи о самоусовершенствовании.

Мама расстроилась из-за моего ухода, но необходимые разрешительные документы подписала. Должно быть, она решила, что потерпела неудачу как мать.

Итак, я переехал к Касу, Камилле и другим боксерам в этом доме. Я все больше и больше узнавал о Касе, потому что после тренировок у нас с ним были долгие беседы. Он был рад, когда я рассказывал ему истории о своей непростой жизни. Он сиял, как рождественская елка. «Расскажи еще», – просил он. Я был идеальным кандидатом для выполнения его миссии: неполная семья, обделенный любовью, без средств к существованию. Я был жесток, суров и хитер, но оставался чистым листом бумаги. Кас был готов принять все мои недостатки с распростертыми объятиями. Он не позволял мне испытывать чувство стыда или неполноценности из-за своего воспитания. Ему нравилось, что я был полон энтузиазма. «Энтузиазм» – именно Кас научил меня этому слову.

---

³³ «Закон притяжения» – философско-окультистская концепция из арсенала Нью-Эйдж о том, что намерения и взгляды привлекают людей и вещи, соответствующие этим намерениям и отношению к себе.

Кас мог относиться ко мне так, потому что у него тоже была тяжелая жизнь. Его мать умерла в совсем юном возрасте. Он потерял зрение на один глаз в уличной драке, когда был маленьким ребенком. Его отец умер на его руках, когда он был молодым человеком. Полицейский убил его любимого брата.

Фактически у Каса в его жизни был нормированный рабочий день, от звонка до звонка, только один год. Затем он ушел, потому что он ввязывался в конфликты со своими коллегами. Но он много времени тратил, помогая людям в своем районе в решении их проблем, он был практически неофициальным социальным работником. Он получал большое удовольствие, оказывая помощь другим людям. Кас помог искоренить в своем районе политическую коррупцию, когда мэром Нью-Йорка был реформатор Ла Гуардия³⁴. В этой борьбе он противостоял одному из коррумпированных парней, который как-то даже угрожал ему оружием. Кас был бесстрашен.

Наряду с этим он был ожесточен и язвителен.

– Я всю жизнь выступал в защиту маленького человека, – говорил он. – Многие мои неприятности проистекали от того, что я защищал жертв несправедливости. Некоторые, ради которых я сражался, не стоили этих усилий. Очень мало людей заслуживают спасения.

Кас был совершенно либерален в отношении расовых вопросов. Лучший друг его отца был черным. Когда он служил в армии, его часть дислоцировалась на Юге. У него была команда по боксу, и когда они находились в разъездах, ни один отель не принимал его черных боксеров, поэтому он спал с ними в парках.

Кроме того, он был очень большим социалистом. Он был влюблен в Че, в Фиделя и Розенбергов. Он рассказал мне о деле Розенбергов³⁵, и я решил поддразнить его.

– Да хватит, Кас. Все было правильно. Они были виновны, – сказал я.

– О да! – взревел он в ответ. – Это ты сейчас так говоришь. Но когда они вернут рабство, у тебя уже не будет возможности утверждать, кто был виновен, а кто нет. То, что они намерены вернуть его, это тоже все правильно?

Рональд Рейган был его злейшим врагом. Когда Рейган выступал по телевидению, Кас кричал во всю мощь своих легких: «Лжец! Лжец! Лжец!!!»

Кас был помешанным. Он любил вести разговоры о том, кому было бы необходимо умереть. «Человек умирает так, как он живет», – говорил он мне.

Однажды Кас сказал мне: «Когда у тебя будет много денег, ты смог бы на самом деле помочь каждому, к кому ты привязан. Ты мог бы помочь негритянским церквям». Он думал, что негритянские церкви были лучшей массовой социальной сетью для черных. Ему нравился преподобный Мартин Лютер Кинг. Кас всегда помогал людям и раздавал им все свои деньги.

– Деньги – это то, что пускает поезда под откос, – учил он меня. – Деньги означают обеспеченность, а для меня обеспеченность означает смерть, поэтому я никогда не заботился о деньгах. Все те вещи, которые я ценю, я не мог бы купить за деньги. Деньги никогда не производили на меня впечатления. Слишком много неправильных людей имеют много денег, такая логическая взаимосвязь – это не к добру. По правде говоря, я был не совсем безразличен к деньгам. Я давал их людям, попавшим в беду. По-моему, это не было пустой тратой.

Он не желал платить налогов правому правительству – и объявил о банкротстве, когда задолжал налоговому управлению 200 000 долларов.

---

³⁴ Фиорелло Ла Гуардия (1882–1947) – мэр Нью-Йорка в 1934–1945 годах; занимал этот пост три срока подряд после Великой депрессии, активно поддерживал «новый курс» президента Франклина Рузвельта, проявил себя как неутомимый борец с коррупцией и организованной преступностью.

³⁵ Юлиус Розенберг и его жена Этель – американские коммунисты, обвиненные в шпионаже в пользу Советского Союза и казненные за это в 1953 году; дело Розенбергов вызвало сильный общественный резонанс, поскольку возникло в разгар «холодной войны» в условиях «маккартизма», сопровождавшегося антикоммунистической истерией в США.

Остается загадкой, каким образом Кас вообще попал в бокс. Он неожиданно возник из ниоткуда и заявил: «Я – тренер по боксу». Никто о нем никогда не слышал. Он ничего не знал о контрактах или боксерах, но утверждал, что он «менеджер». Он занялся руководством и подготовкой перспективного молодого тяжеловеса Флойда Паттерсона³⁶, который также был из бедной семьи и вырос в Бруклине. В то время боксом управляла группа, которая называлась «Международный боксерский клуб» (МБК). Ею владели богатые предприниматели, которые держали мертвой хваткой маркетинг и рекламу поединков чемпионата. Но Кас довел Флойда до чемпионата, а затем открыто выступил против МБК. Это означало, что он выступил против банды гангстеров, потому что Фрэнки Карбо, известный мафиози в преступной семье Луккеше, являлся с МБК. Кас помог сокрушить МБК, и Карбо загремел в тюрьму за участие в преступном сговоре, вымогательство и нелегальное руководство.

Но сердце Каса было разбито, когда Рой Коэн, адвокат правых взглядов, увел у него Паттерсона, добившись расположения новообращенного католического боксера организацией его встречи с нью-йоркским кардиналом Спелманом. Кас больше никогда не появлялся в католической церкви. После этого случая у него все более начала проявляться чрезмерная подозрительность. Он, к примеру, утверждал, что кто-то пытался столкнуть его под вагон метро. Он перестал ходить в бары, потому что опасался, что кто-нибудь может что-либо подмешать в его напиток. Он, на самом деле, наглухо зашил карманы своих курток, чтобы никто не мог подложить туда наркотики и тем самым подставить его. В конце концов он переехал в Катскилл.

Он даже дома был параноиком. Никому не разрешалось входить в его комнату. Чтобы определить, не входил ли кто-нибудь, пока он отсутствовал, он клал на дверь несколько спичек. Если он видел меня где-нибудь возле своей комнаты, он спрашивал: «Что это ты здесь делаешь?»

– Я живу здесь, Кас. Я здесь живу, – отвечал я.

Однажды я, Том Пэтти и Фрэнки, два других боксера, которые жили в доме, вышли прогуляться. Кас никому не доверял ключей, потому что мы могли потерять их, и тогда посторонний получил бы возможность проникнуть в дом. Когда мы вернулись и постучали в дверь, никто не ответил. Я посмотрел в окно и увидел, что Кас заснул в своем любимом плюшевом кресле, а телевизор надрывался на полной громкости, поскольку Кас был глуховат. Том сообщил, что единственный промежуток времени для того, чтобы постучать, – это рекламная пауза, так как во время нее было несколько секунд тишины. Именно в этот момент мы все разом заколошматили в окно с воплями: «Кас!! Кас!!» В тысячную долю секунды Кас сделал разворот на 180 градусов, упал, согнувшись и опираясь на левую руку, в готовности вскочить и правой вырубить незваного гостя. Мы все так и попадали в приступе безудержного смеха.

В другой раз один из спарринг-партнеров, оставшийся в доме, ночью тайком выбрался в город. Рано утром мы с Томом проснулись и спустились на завтрак. В гостиной мы обнаружили Каса, который по-армейски полз с винтовкой в руке. Парень вернулся и стучал в окно, и Кас, вероятно, решил, что это какой-нибудь отморозок из МБК пришел по его душу. Мы с Томом переступили через Каса и прошли на кухню приготовить себе овсянки.

Я мог бы и дальше продолжать истории о Касе. Он был личностью уникальной и колоритной. Но лучшее описание Каса, которое я когда-либо встречал, содержалось в интервью великого писателя Гэя Тализа, которое он дал Полу Цукерману, молодому человеку, работавшему над книгой о Касе:

«... Он был римским воином, жившим с опозданием в две тысячи лет. Воины любят войну, им нужна война. Это та атмосфера, в которой они чувствуют себя как дома. В мирное же время они ощущают себя неприкаянными и бесполезными. И им хотелось бы как следует

---

³⁶ Флойд Паттерсон (1935–2006) – американский боксер-профессионал, олимпийский чемпион 1952 года, чемпион мира в тяжелом весе.

все взбаламутить. Кас, как Паттон³⁷, чувствовал себя бодрым и энергичным, когда была суматоха, интрига, ощущение предстоящей битвы. Только тогда, когда он находился в состоянии возбуждения, он чувствовал, что был в полном ладу с самим собой. Только тогда его нервная система и его мозг жили полной жизнью, он ощущал чувство удовлетворения. Если же всего этого не было, то его следовало создать или усилить. Он всегда стремился раздуть угли, чтобы от языков пламени почувствовать полноту жизни. Это приводило его в восторг. Он был сторонником активных мер, он жаждал действия...»

Кас был генералом, а я был его солдатом. И мы были готовы выступить на войну.

* * *

Я был бесполезным, накачанным торазином ниггером, которого диагностировали как умственно отсталого, а он был опытным белым парнем, который взял меня в свои руки и вернул мне мое «я». Кас однажды сказал мне:

– Майк, представь, ты сидишь у психиатра, и тот спрашивает тебя: «Слышишь ли ты голоса?» И ты собираешься ответить «нет», но это голоса велют тебе сказать «нет», не так ли?

Кас очень глубоко понимал меня. Никто никогда не заставлял меня так полно осознавать себя черным, как он. Он передавал мне это знание с такой ледяной безжалостностью, словно он сам был крутым черным парнем. «Они считают себя лучше тебя, Майк», – учил он меня. Когда он видел кого-то на «Фиате» или «Роллс-Ройсе», то смотрел на меня и говорил:

– Ты мог бы иметь все это. Это не самая трудная вещь в мире – обеспечить себе благосостояние. Но ты лучше этих людей. Они никогда не смогут сделать то, на что способен ты. У тебя это есть, оно внутри тебя. Думаешь, я бы стал говорить тебе это, если бы в тебе этого не было? В таком случае я мог бы натренировать тебя лучше как боксера, но я не мог сделать тебя чемпионом.

Ух ты! А я-то всегда думал, что я дерьмо собачье. Моя мать твердила мне, что я дрянь. Никто никогда не говорил обо мне ничего хорошего. И после этого мне вдруг сообщают:

– Бьюсь об заклад: если ты постарайся, ты мог бы выиграть «Оскара». Ты мог бы стать и прекрасным актером, и первоклассным боксером. Хочешь быть автогонщиком? Спорю, ты мог бы стать лучшим автогонщиком в мире. Ты умнее и круче, чем все эти парни. Ты мог бы завоевать любой из миров. Не произноси слова «Не могу». Ты не можешь только одного – сказать: «Я не могу».

Когда я приходил в уныние, как я это часто делал, Кас делал массаж моим мозгам мыслями об экзотическом мире с неисчислимыми сокровищами. Мне было странно слышать эти речи, но мне нравилось их слушать.

– Все, что от тебя требуется, – это слушать меня, – говорил он. – Люди королевского происхождения будут знать твое имя. Слышишь, что я говорю тебе, малыш? Весь мир узнает о тебе. Твое имя займет самое почетное место. Люди будут уважать твою мать, твою семью, твоих детей. При твоём появлении люди будут вставать и устраивать тебе овацию.

Кас не позволял мне обмануть его надежды. Когда я чувствовал, что готов сдаться, и приходил в уныние, он продолжал воодушевлять меня. Кас всегда повторял: «Моя работа заключается в том, чтобы сдирать ту шелуху, которая мешает тебе проявить свои истинные способности и реализовать свой потенциал». Но сдирание шелухи было весьма болезненным! Я вопил: «Оставь меня в покое! А-а-а!»

---

³⁷ Джордж Смит Паттон-младший (1885–1945) – один из главных генералов американского штаба, действовавшего в период Второй мировой войны; принимал самое активное участие в ходе проведения кампаний в Северной Африке, на Сицилии, во Франции и Германии с 1943 по 1945 год.

Он тренировал мой дух. Он заставлял меня вообразить, будто я провожу спарринг с более взрослым парнем, устал и не могу отвечать своему сопернику, который просто прессует меня. Кас беседовал со мной на эту тему и помогал мне преодолеть свой страх.

Он все время стремился к совершенству. К примеру, я разными способами работал с тяжелой грушей, а Кас стоял рядом и внимательно следил за происходящим.

– Хорошо. Нормально. Но не пр-ревосходно, – говорил он своим густым бронжским акцентом.

Кас желал выковать самого потрясающего боксера, которого когда-либо создавал Всевышний, такого, который нагонял бы на соперников страху еще до того, как те выходили на ринг. Он учил меня быть предельно яростным как на ринге, так и вне его пределов. В то время для меня это было необходимо. Я не был уверен в себе, я боялся. Я не мог избавиться от воспоминаний о тех временах, когда на меня, совсем ребенка, набрасывались с побоями. Мне было просто ненавистно чувство унижения от издевательств надо мной. Это чувство впивается в тебя занозой на всю твою жизнь. Это такое отвратительное, безнадежное чувство. Вот почему я всегда представлял себя миру в качестве гнусного, свирепого ублюдка. Но Кас дал мне уверенность в себе, поэтому мне больше не придется беспокоиться о том, что надо мной когда-либо будут издеваться. Я знал, что никто и никогда не посмеет физически оскорбить меня.

Кас был гораздо больше, чем тренер по боксу. Он привил мне много истинных ценностей. Он был похож на какого-то гуру, говорящего такие вещи, над которыми мне приходилось задумываться:

– Не имеет значения, кто и что говорит, неважно, оправдание это или объяснение. Только то, что человек делает, в конечном итоге свидетельствует о его истинных намерениях.

Или:

– Я – не Творец. Моя задача – это обнаружить и раскрыть. Моя работа – взять искру и раздуть ее. Добавить в огонь дров, пока он не станет пылающим пожаром.

Он мог делиться мудростью в самых банальных ситуациях. Например, Камилла выступала за то, чтобы ребята помогали по хозяйству. Я же ненавидел хлопоты по дому, поскольку был сосредоточен только на боксе. Однажды Кас подошел ко мне:

– Знаешь, Камилла действительно хочет, чтобы ты помогал по хозяйству. Лично мне наплевать, помогаешь ты в принципе или нет, но тебе следует заниматься делами по дому по той причине, что это сделает тебя лучше как боксера.

– И каким же образом вынос мусора сделает меня лучше как боксера? – усмехнулся я.

– Делать что-то, что тебе не нравится, так, словно ты это обожаешь, – это хорошая закалка для того, кто стремится к величию.

После этого Камилле больше не приходилось напоминать мне о делах по дому.

Однажды Кас позвал меня к себе и совершенно неожиданно спросил:

– Ты не боишься белых? Ты не из таких? Ты не боишься усов и бороды? Я знал черных боксеров, которые опасались ударить белого. Тебе лучше не принадлежать к их числу.

Это было смешно. Прямо передо мной был Кас, который рассказывал мне, что не следует давать себя запугать, но я был напуган тем, каким образом он объяснял мне это.

Кас всегда был очень серьезен, никогда не улыбался. Он не обращался со мной как с подростком. Он всегда давал мне понять, что мы вместе призваны выполнить свою миссию. Ежедневные тренировки, мысли только об одном. Он определил мне цель. Никогда раньше я не испытывал такого чувства, за исключением моментов, когда продумывал кражу.

Время от времени происходили вещи, которые делали нашу цель гораздо более осязаемой. Так, однажды в Катскилл приехал тренироваться Уилфред Бенитес³⁸. Я был ошеломлен.

---

³⁸ Уилфред Бенитес (род. в 1958 г.) – пуэрториканский боксер-профессионал, чемпион мира в первой полусредней (версия WBA, 1976 г.), полусредней (версия WBC, 1979 г.) и первой средней (версия WBC, 1981–1982) весовых категориях.

Я был его фанатом. Я видел его бои по телевизору, и там было на что посмотреть. Казалось, что у него был радар и что он мог наносить удары с закрытыми глазами. Настоящий мастер. Он принес с собой свой чемпионский пояс. Со мной был Том Патти, один из боксеров, тренировавшихся у Каса. Бенитес достал небольшой футляр, внутри которого был пояс, и позволил мне прикоснуться к нему. Я словно увидел Святой Грааль.

– Эй, Томми, взгляните на это, это пояс, чувак! – сказал я. – Я должен получить его! Я так упорно тренируюсь. Если я завоюю его, то никогда не отдам!

Я был счастлив быть вместе с Бенитесом. Он воодушевил меня, усилил во мне желание стать более решительным и целеустремленным.

Благодаря Касу мне удалось также поговорить с Али. В октябре 1980 года мы все приехали в Олбани, чтобы посмотреть телепередачу о том, как Али пытался отвоевать свой титул у Ларри Холмса³⁹. В том бою Али здорово досталось. Кас был зол как черт, я его еще никогда не видел в таком гневе. После боя у него было каменное лицо, поскольку ему пришлось давать интервью и пожимать руки, но как только мы сели в машину, мы почувствовали всю его отрицательную энергетику. За все 45 минут пути домой никто не произнес ни слова.

На следующее утро Джин Килрой, помощник Али, соединил Али по телефону с Касом.

– Как ты позволил, чтобы этот дилетант побил тебя? Он дилетант, Мохаммед, он просто никчемный боксер!.. А я говорю, что он дилетант!.. Не говори мне этого, он просто заштатный боксер! Почему ты позволил, чтобы дилетант так отмутил тебя?

Я слушал Каса, и каждый раз, когда он произносил слово «дилетант», оно буквально вонзалось в меня. Я начал плакать. Это был паршивый день в моей жизни.

Затем Кас сделал для меня одну умопомрачительную вещь.

– Со мной молодой черный парень. Он просто мальчик, но он будет чемпионом мира в тяжелом весе. Его зовут Майк Тайсон. Пожалуйста, ради меня поговори с ним, Мохаммед. Я хочу, чтобы ты велел ему слушаться меня.

И Кас передал мне трубку.

– Мне жаль, что с вами так получилось, – сказал я. Я был тогда маленьким мудаком.

– Я был болен, – ответил мне Али. – Я принял лекарство, оно ослабило меня, поэтому Холмс и побил меня. Я собираюсь поправиться, вернуться и побить Холмса.

– Не беспокойтесь, чемпион, – сказал я. – Когда я повзрослею, я свалю его для вас.

Многие считают, что Али был моим любимым боксером. Должен, однако, сказать, что для меня это был Роберто Дюран. До этого я всегда восхищался, насколько красив и эффектен Али. Сам я был маленького роста и уродлив, плюс ко всему у меня был дефект речи. Когда же я увидел Дюрана, он был похож на обычного уличного парня. Он говорил разные гадости своим противникам вроде: «Пососи мой е... ный член, ты, ублюдок! В следующий раз, мать твою, я отправлю тебя в морг!» После того как он побил Шугара Рэя Леонарда⁴⁰ в первом бою, он прошел туда, где сидел Уилфред Бенитес, и выкрикнул: «Пошел нах...! Ты, блин, слабак и трус, чтобы встретиться со мной».

«Чувак, этот парень – ты», – подумал я. Это было именно то, к чему я стремился. Он не стыдился быть тем, кем он был. Я относился к нему, как к нормальному, обычному человеку.

По мере того как моя карьера шла в гору и меня хвалили за мою ярость и неукротимость, я начинал понимать, что называться зверем было высшей похвалой. Оказавшись как-то в Нью-Йорке, я пошел в кафе «Викторс», потому что слышал, что там тусовался Дюран. Я сидел один за столиком и смотрел на фотографии Дюрана, висевшие на стене. Я осуществил свою мечту.

---

³⁹ Ларри Холмс (род. в 1949 г.) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе по версиям WBC (1978–1983), IBF (1984–1985), а также по версии журнала «Ринг» (1980–1985).

⁴⁰ Шугар Рэй Робинсон, настоящее имя Уолкер Смит-младший (1921–1989) – американский боксер-профессионал, выступавший в легкой, первой полусредней, полусредней, первой средней, средней, второй средней и полутяжелой весовых категориях; чемпион мира в полусредней (1946–1950) и средней (1951–1952, 1955–1957 и 1958–1960) весовых категориях.

Я был расстроен, когда Дюран сдался, произнеся: «Хватит!» – во время матча-реванша с Леонардом. Мы с Касом смотрели этот бой в Олбани, и я был в такой ярости, что рыдал. Но Кас дал этому точное определение. «Он больше не повторит такого», – предсказал он.

* * *

К тому времени я уже переехал к Касу и был в его команде. Он приступил к моим ежедневным упорным тренировкам. У меня никогда не было права наслаждаться боксом как видом спорта или заниматься им шутки ради. Кас был максималистом, но и я старался по максимуму. Я уже тогда хотел быть Ахиллесом. Я из тех парней, над которыми смеются: «Не давай ниггеру веревку, он захочет быть ковбоем». Я был ребенком, у которого не было надежды. Но если мне дать ее проблеск, то вы влипли, – потому что я тогда готов горы свернуть.

Кас обычно должен был по утрам будить боксеров, но к тому моменту, когда он поднимался, я уже возвращался с пробежки. Кас, как правило, накрывал стол для завтрака, но я успевал сделать это сразу после бега. Он свирепел. «Кто накрыл мне стол?» – рычал он. Он был расстроен тем, что я показывал больше самоотверженности, чем он. Затем Кас готовил мне завтрак. Он бросал на сковородку большой кусок бекона, двадцать или около того ломтиков, затем в топленом сале от бекона готовил яйца. Кофе я не пил, только чай. Он готовил мне завтрак каждое утро, даже если был сердит на меня.

Думаю, мы оба осознавали, что бежим наперегонки со временем. Касу было уже за семьдесят, поэтому он старался энергично запихать в меня все свои знания. Впихнуть, впихнуть, впихнуть все это в меня. Если в тебя все это запихивают, то ты неизбежно постигаешь это, если только ты не полный идиот. Я стал весьма искусен в боксе, но степень моей зрелости, уровень моих мыслительных способностей не поспевали за моими боксерскими навыками. Это не было похоже на то, будто я собрался в школу, и мне стали формировать характер, чтобы воспитать из меня хорошего, полезного члена общества. Нет, это было совсем другое – ведь я собирался стать чемпионом мира в тяжелом весе.

Кас в этой связи проявлял беспокойство. «Боже, я бы хотел, чтобы у меня было с тобой больше времени!» – говорил он. Но наряду с этим он говорил и другое: «Я занимался боксом шестьдесят лет и еще никогда не видел никого, кто проявлял бы такую заинтересованность, как ты. Ты всегда говоришь только о боксе».

Я был максималистом. Если шел снег, Кас тренировал меня в доме. По ночам я часами не ложился спать, ведя в своей комнате бой с тенью. Моя жизнь зависела от того, добьюсь ли я успеха. Если я этого не сделаю, я просто бесполезный кусок дерьма. Кроме того, я ведь делал это и для Каса. У него была трудная жизнь, много разочарований. Поэтому я должен был защитить самолюбие и гордость этого старого итальянца. Неужели я на это не способен, черт возьми?

Когда я не тренировался, я смотрел старые фильмы про бокс и занимался этим, по крайней мере, десять часов в день. В выходные дни это вообще было моим единственным развлечением. Я смотрел их в одиночестве наверху, всю ночь напролет.

Однажды я прибавил громкости, и звук стал слышен по всему старому дому. Подошел Кас:

– Что, черт возьми, ты делаешь?

– Просто смотрю кино, – ответил я.

– Послушай, ты должен лечь в постель! Люди хотят спать, – сказал он.

Когда он спускался по лестнице, я слышал, как он бормотал:

– Никогда еще не встречал такого ребенка! Всю ночь смотреть кино, беспокоя весь дом!

Иногда мы смотрели фильмы про бокс вместе, и Кас давал мне советы о том, как я мог бы победить Демпси, или Джеффриса, или Луиса⁴¹.

Я был так увлечен, что порой, на самом деле, шел спать, не сняв перчаток. Я просто безумно мечтал стать знаменитым боксером Майком Тайсоном. Я жертвовал всем ради этой цели. У меня не было ни женщин, ни лакомств. В то время я передал, и у меня было нарушение режима питания. Кроме того, у меня был период полового созревания: появились прыщи, мои гормоны играли, мне постоянно хотелось мороженого. Но нельзя было терять из виду цели. Я поговорил с Касом о девушках, и он, хмыкнув, ответил, что я буду иметь всех женщин, которых я когда-либо пожелаю.

Однажды, пребывая в мрачном расположении духа, я спросил:

– Кас, у меня, что, никогда не будет девушки?

Кас послал кого-то, ему принесли одну из бейсбольных бит в миниатюре, и он подарил ее мне со словами:

– У тебя будет столько девушек, что тебе будет необходимо вот это, чтобы отбиваться от них.

Поэтому все, что мне оставалось, – это мастурбировать и тренироваться, мастурбировать и тренироваться. И надеяться, что после того, как я стану чемпионом, у меня будет куча денег и женщин, столько, сколько захочу.

На тренировках Кас обучал весьма необычной и нестандартной технике ведения боя. Над ней порой смеялись, но только потому, что не понимали ее. Это был стиль боксирования «пикабу». Он был ориентирован прежде всего на защиту. Ты держал обе руки перед лицом, полностью закрываясь. Твои руки и локти двигались вместе с тобой, поэтому, когда соперник выбрасывал удар, ты блокировал его на встречном движении, а затем проводил контратаку.

Атака у Каса базировалась на хорошей защите. Он считал делом первостепенной важности для боксера – не попасть под удар. Чтобы научить уклоняться от ударов, он использовал специальную грушу, брезентовый мешок с песком, на который был намотан канат. Нужно было двигаться вокруг нее, делая уклоны, чтобы избегать касания. Я весьма преуспел в этом.

Кроме того, он использовал «мешок Вилли», названный в честь боксера Вилли Пастрано. Это были матрасы, закрытые брезентом и обернутые вокруг рамы. Внешне это напоминало торс. Тело было поделено на различные зоны, каждая зона имела цифровое обозначение. Нечетные числа означали зоны для ударов левой, четные числа – зоны для ударов правой. Кас ставил кассету с записью чисел в различной последовательности. «Пять, четыре!» – надо было сразу же провести левый хук в корпус и правый апперкот в подбородок. Идея заключалась в том, что по мере повторения этих действий в ответ на цифры они становились бессознательными, автоматическими, и тебе не приходилось обдумывать их. Через некоторое время ты уже мог наносить удары с закрытыми глазами.

Кас полагал, что боксеры пропускают удары с правой потому, что они не двигаются и низко держат руки. Поэтому он научил меня волнообразно раскачиваться, а не просто нырять вниз-вверх. Он заставлял меня постоянно передвигаться: вбок, затем вперед, вбок и опять вперед. Кас считал, что при нанесении ударов максимальный эффект получается, когда ты сделал два удара, звук от которых, как от одного. Чем явственнее этот звуковой эффект, тем выше процент, что серия ударов приведет к нокауту.

Придавая особое значение защите, Кас понимал, что боксеры оборонительного стиля смотрятся скучно.

– Бокс – это развлечение, поэтому, чтобы иметь успех, боксер должен не только побеждать. Он должен захватывающе побеждать. Он должен бить наповал, – всегда говорил Кас.

---

⁴¹ Уильям Харрисон Демпси (1895–1983), Джеймс Джексон Джеффрис (1875–1953), Джозеф Луис Бэрроу (1914–1981) – американские боксеры-профессионалы, чемпионы мира в тяжелом весе.

Он хотел, чтобы я стал активным контр-панчером, заставляя своих противников выбрасывать удары впустую или бегать по рингу. Кас всегда пытался воздействовать на противника на ринге. Если ты постоянно уклоняешься от его ударов, он теряет уверенность в себе. А затем идет ко дну. Уклонись от удара и контратакуй. Двигайся и бей одновременно. Форсируй события. Кас считал, что короткие удары могут быть тяжелее, чем длинные. Он считал, что нанесение тяжелых ударов не имеет ничего общего с физическим аспектом, это целиком и полностью область эмоционального. Это была теория контролируемых эмоций.

Для моих тренировок Кас нанял лучших спарринг-партнеров. Моим любимым из них был Марвин Стинсон. Кажется, он был участником Олимпийских игр. Он был основным спарринг-партнером Холмса, затем Кас уговорил его работать со мной. Для меня он был удивительным наставником, обучая меня двигаться по рингу и наносить удары. После первой тренировки он отвел меня в сторону и дал мне свои перчатки для пробежек, поскольку утром, когда я бегал, было холодно, и он увидел, что у меня их не было.

Мои спарринги были похожи на полномасштабную войну. Перед началом тренировочного боя Кас отводил меня в сторону.

– Не расслабляйся, иди и выложись по полной, – говорил он. – Ты должен показать все, чему ты научился, и сделать это на полной скорости. Я хочу, чтобы ты переломал этим ребятам ребра.

Переломать им ребра? На спарринге? Он просто хотел подготовить меня к встрече с парнями, с которыми мне предстояло работать, и, конечно же, он хотел, чтобы я переломал ребра моим соперникам в реальных поединках.

Когда Кас находил для меня хороших спарринг-партнеров, он всегда относился к ним по-особому, потому что знал, что они обеспечивают мне хорошие тренировки. И платил спарринг-партнерам он всегда очень хорошо. Но это отнюдь не гарантировало, что они останутся. Часто парень приходил в готовности к спаррингам в течение трех недель, но после первого же тренировочного боя мы обнаруживали, что он испарился. Им настолько претило, что из них вышибали дерьмо, что они даже не удосуживались забирать свои вещи. Когда такое случалось, мы с Томом стремглав неслись в их комнату и шмонали их одежду, обувь, украшения. Если нам везло, то мы находили загашники с травкой или, по крайней мере, пару ботинок, которые нам подходили.

Иногда Кас приводил для спаррингов со мной уже состоявшихся боксеров. Например, когда мне было шестнадцать лет, он привел в Катскилл Фрэнка Бруно⁴², которому было в то время двадцать два года.

Обычно спарринг состоял из двух раундов. До начала спарринга с состоявшимся боксером Кас отводил его в сторону.

– Послушай, он просто ребенок, но не расслабляйся с ним. Выложись по полной, – говорил он.

– Ладно, Кас, – отвечал тот. – Поработаю с твоим ребенком.

– Эй, ты меня услышал? Тебе не надо с ним работать. Тебе следует выложиться по полной.

Меня учили выходить на ринг не просто для того, чтобы победить. Меня учили драться, чтобы причинить боль, чтобы причинить вред, чтобы травмировать соперника. Мы часами говорили о том, как сделать это. Это то, что Кас исподволь внушал мне. «Тем самым ты шлешь послание чемпиону, Майк, – просвещал меня Кас. – Он будет внимательно следить за тобой».

---

⁴² Франклин Рой Бруно (род. в 1961 г.) – британский боксер-профессионал, чемпион мира среди профессионалов в тяжелом весе по версии WBC (1995–1996), чемпион Европы по версии EBU (1985 г.); встречался с Майком Тайсоном на профессиональном ринге в 1989 г. и в 1996 г., оба раза проиграл, после последнего поражения (М. Тайсон победил нокаутом в третьем раунде) ушел из бокса.

Но мы слали также наши решительные послания тренерам, менеджерам, промоутерам и всему боксерскому миру. Мы сообщали всем: Кас вернулся.

Кроме просмотра старых фильмов про бокс, я проглатывал все, что мог найти про выдающихся боксеров. Вскоре после того, как я переехал к Касу, я читал «Энциклопедию бокса» и засмеялся, прочитав об одном чемпионе, который обладал своим титулом только год. Кас посмотрел на меня холодным пронзительным взглядом и сказал:

– Год в звании чемпиона стоит больше, чем вся жизнь в безвестности.

Когда я стал изучать жизнь великих боксеров, я увидел множество аналогий с тем, что проповедовал Кас. Все они были гнусными ублюдками. Демпси, Микки Уокер⁴³, даже Джо Луис, хотя Луис был застенчив. Я тоже приучал себя быть свирепым. Еще когда я ходил в школу, я плевал на всех и вся. В глубине души я понимал, что должен быть таким, потому что, если бы мне это не удалось, Кас избавился бы от меня, и я умер бы с голоду.

Кас дал мне книгу *«В этом углу...»!* Я не мог оторваться от нее. Я видел, как эти боксеры справлялись со своими эмоциями, как они готовились к боям. Эта книга позволила мне лучше понять человеческую психологию. Меня поразило, с каким упорством тренировались боксеры того времени, как они голодали. Я узнал, что Джон Л. Салливан⁴⁴ тренировался, пробегая пять миль, а затем шел назад пять миль и проводил спарринг в двадцать раундов. А Эззард Чарльз⁴⁵ упоминал, что он пробегал только три-четыре мили в день и боксировал лишь шесть раундов. *«Блин»*, – подумал я, – *Салливан в 1880-х годах тренировался упорнее, чем этот парень в 1950-х*. Поэтому я начал преодолевать четыре мили до тренажерного зала, проводил спарринги, а затем возвращался в дом. Я стал подражать парням старой школы, потому что они были крутыми. И их карьера была долгой.

Я сводил Каса с ума, все время задавая ему вопросы о боксерах прежнего времени. Знаю, он был не прочь поговорить о боксе, но, как мне кажется, иногда я заходил слишком далеко. Я прочитал все книги Каса о боксе, поэтому, когда мы сидели за обеденным столом и Кас, рассказывая остальным ребятам что-либо об истории бокса, запинаясь на каком-либо имени или дате, я заканчивал фразу за него.

– Этот парень знает все, – говорил он. – Он словно был там.

Я очень серьезно изучал историю бокса, потому что много узнавал об опыте прежних боксеров. Что я должен делать, чтобы быть, как этот парень? Как поможет дисциплина добиться того, что есть у другого парня? Кас рассказывал мне, какими порочными и гнусными они были за пределами ринга, но когда они выходили на него, они становились раскованными и спокойными. Его рассказы об этих парнях, его глубокое уважение к ним приводили меня в полный восторг. Мне так хотелось бы, чтобы кто-нибудь так же говорил обо мне. Я хотел быть частью этого мира. Я смотрел боксерские поединки по телевизору, видел, как боксеры наносили друг другу удары с гримасами на лицах, их тела все в ссадинах, и мне хотелось пройти через такое же.

Мы разговаривали обо всех великих боксерах. Я буквально влюбился в Джека Джонсона. Какой смелый парень! Он, действительно, был первым чернокожим парнем, которым следовало гордиться. И мне нравилось его высокомерие. Когда на рубеже века его остановили за превышение скорости и выписали штраф где-то на десять долларов, он дал копу двадцать и сказал: «Почему бы вам не взять эти двадцать, потому что я собираюсь возвращаться таким же образом».

---

⁴³ Эдвард Патрик «Микки» Уокер (1903–1981) – профессиональный американский боксер, чемпион мира в полусреднем и среднем весе.

⁴⁴ Джон Лоуренс Салливан (1858–1918) – американский боксер-профессионал, первый в современной истории чемпион мира по боксу в тяжелом весе.

⁴⁵ Эззард Мак Чарльз (1921–1975) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.